

А. Н. МОЛЧАНОВЪ

ПО РОССИИ

ИЗДАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ЗАВЕДЕНИЯ А. ИЛЬИНА

А. Н. МОЛЧАНОВЪ.

ПО РОССИИ.

ИЗДАНИЕ

КАРТОГРАФИЧЕСКАГО ЗАВЕДЕНИЯ А. ИЛЬИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенкѣ).
Фонтанка, № 99.

1884.

III. Ростовъ-на-Дону.—Его торговля.—Какъ мужикъ продаеть свой хлѣбъ.—Барышники и ихъ мошенничество.—Пришлый народъ.—Босой батальонъ.—Полиція.—Переселенцы и ихъ печальная эпопея.—Что находить въ Ростовѣ пришлый рабочій?—Санитарная обстановка ихъ.—Что можетъ сдѣлать для нихъ городъ?—Дума.—Коронная администрація	363
IV. Въ уѣздѣ.—Земледѣліе.—Дворянинъ, купецъ, еврей и мужикъ.—Банки.—Земство и его безсиліе бороться разрозненными силами противъ россійскихъ бѣдъ.—Школы	372
V. Донскія гирлы	379
VI. Таганрогское градоначальство.—Исторія Таганрога.—Прекрасное расположение Екатерины II.—Положеніе рабочаго.—Земля.—Море.—Каботажъ.—Торговля хлѣбомъ.—Ростовъ и Таганрогъ.—Невроизводительные расходы города.—Жители Таганрога	382

По Кавказу.

I Въ Черноморскомъ округѣ.—Новороссійскъ, его дороги и портъ.—Табакъ.—Заводы нефти и цемента.—Что значитъ—нѣть ни дорогъ, ни портовъ?—Имѣніе г. Каткова.—Чехи.—Переселенцы.—Безполезность и убытки мѣстныхъ удѣльныхъ имѣній.—Абрау.—Недомысліе	390
II. Сухумъ.—Видъ города и пустота его.—Домикъ г. Михайловскаго.—Г. Чернавскій.—Растительность.—Нищета города.—Вторженіе турокъ и послѣдующія комиссіи по оцѣнкѣ городскихъ убытоковъ.—Русскіе городскіе поселенцы.—Земля и туземцы.—Шокалованіе земель.—Ублаженіе мѣстного дворянства.—Хищевіе природныхъ богатствъ.—Санитарные участки.—Переселенцы.—Кражи скота.—Убогость земледѣлія.—Что предпринять для умиротворенія и цивилизациі этого дикаго края?	397
III. Въ Сухумской области.—Величина ея.—Переселенцы греки.—Обращеніе гостепріимства области.—Дорога русскаго переселенца и приключенія его.—Отводъ земли.—Смертность.—Административная апатія	408
IV. Батумъ.—Воровство городской земли.—Чиновники и простые переселенцы.—Какъ мы цивилизуемъ туземца.—Значеніе русскаго человѣка.—Шорча туземца — Porto-franco.—Ростѣ города.—Таможенные порядки и контрабанда.—Примѣръ на фруктахъ.—Портъ.—Нефтяная торговля.—Желѣзная дорога.—Климатъ и осушеніе болотъ.—Санитарная будущность черноморскаго кавказскаго берега .	412
V. Въ Батумской области.—Видъ русскаго поселка.—Мужицкая обида.—Тяжелые дни колоніи.—Пособіе казны.—Какъ живутъ поселенцы.—Лихорадки.—Отношеніе къ нимъ туземцевъ.—Подарокъ недосыгаемыхъ домовъ.—Г. Смѣкаловъ .	425

Въ Прибалтійскомъ краѣ.

I. Путешествіе въ Ревель.—Качка и патіональные характеры — На палубѣ.—Ревельскій портъ.—Нѣмецкія гостииницы.—Дворецъ и паркъ.—Морскія ванны.—Курзалы.—Екатериненталь и Слободка.—Планъ Петра I.—Ревель.—Вышградъ .	432
II. Видъ моря.—Ревельская бухта.—Маяки.—Мѣстный полуэкипажъ.—Вопросъ о гавани.—На броненосцѣ.—Цальба.—Учебная эскадра.—На „Аскольдѣ“.—Морское училище	441
III. Видъ края для поверхностнаго наблюдателя.—Какъ управляется край.—Мѣстная интелигенція.—Наша взаимная антипатія.—Земельная культура.—Пастрой и школа.—Положеніе русскихъ.—Эстонцы и латыші.—Суді.—Нѣмцы.—Администрація	450
IV. Положеніе остзейскихъ крестьянъ.—Земля.—Талеры.—Аграрный вопросъ края	464

НА КАВКАЗЪ.

I.

Въ Черноморскомъ округѣ.

Кубанские казаки смѣются: „эхъ-ма, у насть ви одной станицы нѣть такой плохой, какъ ванъ городъ Новороссійскъ!“ И дѣйствительно, городъ ничтожный, но онъ великъ тѣмъ, что онъ единственный русскій городъ на Кавказскомъ прибрежье Чернаго моря. Имя у него русское, жители его въ большинствѣ русскіе и кругомъ, во всемъ Черноморскомъ округѣ, котораго Новороссійскъ—губернскій городъ, есть много русскихъ мужиковъ, купцовъ и землевладѣльцевъ. Здѣсь Русью пахнуло давно въ администраціи и совсѣмъ тутъ незамѣтны длинные носы и низкіе лбы кавказскихъ аборигеновъ, украшенныхъ свѣтлыми пуговицами или погонаами. У города географическое положеніе завидное—онъ представляеть естественный выходъ въ море для неистощимаго богатства сосѣдней Кубанской области; его заливъ великъ, глубокъ и рисуетъ прекраснѣйшую обширную пристань. Одного недостаетъ росту Новороссійска—рука еще не приложено къ созданію изъ него богатаго складочнаго пункта и многолюдной гавани. Дороги лишь числятся на картахъ, но въ дѣйствительности такъ дурны, избиты и грязны, что ѿздятъ по нимъ съ рискомъ утонуть или завязнуть, платя за подводы баснословныя цѣны. По главному тракту на Екатеринодаръ нѣсколько мѣсяцевъ сряду почта задерживается, а храбрые люди ѿздятъ на лодкахъ, вспоминая о всемирномъ потопѣ при видѣ торчащихъ изъ воды кончиковъ верстовыхъ столбовъ. Постройка желѣзной дороги на Новороссійскъ решена въ принципѣ высшимъ правительствомъ, но отъ принципа до исполненія разстояніе бываетъ иногда очень большое. А въ теченіи этого разстоянія дѣлаются всевозможныя сокращенія по расходу на колесныя дороги — „зачѣмъ, молъ, тратить, когда чугунка черезъ сто лѣтъ пойдетъ здѣсь!“ Есть, го-

ворять, и не малое число лицъ, хлопочущихъ объ этой рельсовой линії. Казна желаетъ отдать ее обществу ростово-владикавказской дороги, полагая, что такъ будетъ выгоднѣе, ибо новая линія, навѣрно доходная, станетъ хоть немножко покрывать дефициты второй, нынѣ уплачиваемые казеннымъ чистоганомъ. Но тутъ представляется дилемма, очень затруднительная для рѣшенія: если проложить рельсы до Новороссійска, то придется перестраивать ростово-владикавказскую дорогу, иначе она окажется не въ силахъ служить новой дѣятельной вѣтви. У частныхъ лицъ другое желаніе, чѣмъ у казны: они охотно предоставляютъ государству платить убытки владикавказской дороги, а путь на Новороссійскъ предлагають построить на собственные капиталы, безъ гарантій, чтобы безконтрольно класть въ карманъ вѣрные барыші. Будемъ ждать и увидимъ, кто кого побѣдитъ въ будущемъ сраженіи интересовъ. Относительно порта также все решено въ принципѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ. Въ 1873 году была образована комиссія изъ опытныхъ инженеровъ и моряковъ, очень добросовѣстно изслѣдовавшая всѣ естественные порты Черноморского округа и серьезно обсудившая искусственныя сооруженія, существующія быть возведенными... также, вѣроятно, черезъ сто лѣтъ. Изъ четырехъ—Аналы, Туалсе, Новороссійска и Челенджика, они признали послѣдній портъ наилучшимъ, а Новороссійскъ однимъ изъ лучшихъ. Въ іюнѣ 1874 года протоколы и рѣшенія этой комиссіи посланы въ министерство путей сообщенія, и затѣмъ министръ самъ лично взглянуль окомъ моряка. Казна, конечно, заплатила десятки тысячъ, если не сотни, за всю эту увертюру, но вотъ уже десять лѣтъ и результата никакого. По очертаніямъ, заливъ Новороссійска представляетъ великолѣпную пристань. Выходъ въ море не широкъ, кругомъ горы. Но это гавань съ очень оригинальнымъ недостаткомъ: чаще зимой съ горъ спускается такой сильный сѣверозападный вѣтеръ съ морозомъ, что большая часть залива обращается въ океанъ брызгъ, въ мгновеніе леденѣющихъ. Брызги, набрасываясь на судно, быстро покрываютъ его такимъ количествомъ льда, что судно идетъ ко дну. Такъ погибло здѣсь на глазахъ всего города въ 1848 г. военное судно „Струя“, а съ нимъ 52 человѣка команды. Но, говорять, что возлѣ горъ, откуда дуетъ этотъ ужасный вѣтеръ, стоянка безопасна. Горе пристани есть уже горе и города, и окрестностей его. Холодный вѣтеръ губить растительность, не позволяетъ цвѣсти плодовымъ деревьямъ и морозить виноградъ. Но, несмотря на отсутствіе дорогъ и опасность гавани, Новороссійская бухта не пустуетъ; въ ней въ теченіи года бываетъ до тысячи судовъ и оборотъ ея достигаетъ до 3 миллионовъ рублей. И вотъ что достойно вниманія: впервыхъ, привозъ изъ Россіи здѣсь почти вдвое больше привоза изъ заграницы (615 и 395 тыс. руб.), во вторыхъ, вывозится отсюда въ Россію на 480,000 руб., а заграницу всего на 5,440 руб. Такимъ образомъ, кажется очевиднымъ,

что, построивъ сюда желѣзный путь и снабдивъ Новороссійскъ портомъ, мы сдѣлаемъ это для обогащенія всей Черноморской и Кубанской области, а не для того, чтобы „кормить нѣмца дешевымъ русскимъ хлѣбомъ“, какъ выражается г. Шавровъ въ своей послѣдней брошюрѣ, а главнымъ образомъ для удобства вывоза отсюда въ Россію же. Важнѣйший продуктъ вывоза въ отечество—табакъ. Онъ играетъ здѣсь такую же роль, какъ рыба въ Астрахани. Для посадки и уборки его въ край являются тысячи пришлыхъ работниковъ, по преимуществу турки и греки изъ Анатоліи; везутъ въ повозкахъ на плантациіи на подобіе сельдей въ боченкѣ дѣтей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ окрестностей: платятъ за работу по 2, 3 рубля въ день, угожаютъ рабочихъ водкой, музыкой и всевозможнымъ развлечениемъ. Десятина табака даетъ до 300 руб. чистаго барыша. Табакъ сушатъ въ листахъ и, упаковывая въ десяти-пудовые ящики, продаютъ гуртомъ. Законъ позволяетъ лишь табачнымъ фабрикантамъ покупку листового табака. Это запрещеніе отираетъ у плантаторовъ миллионы барышей, перекладывая ихъ въ карманы фабрикантовъ караимовъ, грековъ и армянъ. Судите сами: ничтожное количество легальныхъ покупателей платитъ табакопроизводителю за пудъ отъ 1 до 18 рублей, никогда дороже; рѣзка листовъ обойдется рублей 5, бандероль рублей 20, а продаетъ онъ среднею цѣной по полтора рубля за фунтъ, т. е. беретъ чистаго барыша наѣрно больше ста процентовъ, или по 30 руб. за пудъ, въ три раза больше, чѣмъ онъ платитъ среднею цѣнной производителю. По этому поводу я невольно вспоминаю другой расчетъ: въ Астрахани ловецъ получаетъ за пудъ икры 15 рублей, а въ Москвѣ рестораторъ беретъ 720 руб. за пудъ съ потребителя. Неужели умъ человѣческій такъ слабъ, что не можетъ выдумать болѣе честнаго, справедливаго и полезнаго распределенія платы за трудъ?

Новороссійскъ богатъ и заводскою дѣятельностью. Два большихъ завода, давно уже пріобрѣтшихъ громкую извѣстность, стоятъ на берегу здѣшняго залива. Первый нефтепроводъ проложенъ именно въ Новороссійскѣ. Узкая чугунная труба тянется зигзагами по горамъ на 80 верстъ въ ближайшій нефтяной источникъ Кубанской области; три паровыя помпы, устроенные на разныхъ дистанціяхъ, помогаютъ нефти проходить горы и долины, а громадные резервуары на берегу новороссійской гавани принимаютъ ее. Лѣтомъ нефть течетъ свободно — узкая трубка можетъ влить въ резервуаръ каждые сутки тысячи пудовъ. Но зимой нефть упрямится, густѣеть и двигается очень медленно. Изъ главнаго резервуара также по трубѣ и при помощи помп нефть переходитъ въ гигантскій чанъ, где нагревается до 300° и кипитъ; чистый керосинъ вылетаетъ изъ нея паромъ, сгущается въ другой трубѣ, охлаждаемой въ богатырской ваннѣ, и течетъ прямо на пристань, где стоитъ лишь отворить кранъ, чтобы налить въ нѣсколько часовъ самый крупный пароходъ.

Къ сожалѣнію, заводъ этотъ терпитъ внутреннія неурядицы: содержатель его, американецъ, спорить съ французскою компаніей, давшей ему деньги, и пока еще нѣтъ у завода своихъ керосинныхъ пароходовъ, безъ которыхъ большой вывозъ здѣсь немыслимъ. Морской тарифъ на Черномъ морѣ безобразно высокъ; русское общество и Родоконаки полные хозяева тарифа пароходнаго, а русскаго каботажа нигдѣ нѣтъ, греки же и турки взимаютъ за грузъ въ 500 пудовъ 150 рублей на разстояніи отъ Сухума до Батума. Этимъ же горемъ страдаетъ другой здѣшній прекрасный цементный заводъ. Эксперты уже давно признали новороссійскій цементъ однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Имитациѣ природѣ, какъ известно, никогда не достигаетъ совершенства. А здѣсь цементъ сдѣланъ самимъ Творцомъ и положенъ Имъ не въ глубинахъ горъ, а безконечными жилами почти на самой поверхности, такъ что для добыванія его не надо ни шахтъ, ни подземелій. Расчистятъ землю лопатой и киркой на аршинъ и выбираютъ дорогой камень. Насыплютъ имъ огромную печь, перемѣшаютъ его съ антрацитомъ, и не надо тратить великія деньги на это дорогое топливо—здѣшній камень самъ пропитанъ нефтью и самъ помогаетъ горѣнію. Перегорить, его разобьютъ машиной на мелкія части, смелятъ паровыми жерновами, просѣютъ сквозь гигантское сито, закупорятъ въ бочку и продаютъ на мѣстѣ по 50 коп. за пудъ. Природа оказываетъ этому производству всѣ удобства: рядомъ съ жилами обыкновеннаго цемента медленно стынищаго, она положила жилки еще болѣе цѣннаго камня изъ котораго выдѣлывается цементъ быстросохнущій, которымъ напр. корабли замазываютъ свои дыры при аваріяхъ. заводъ производить здѣсь нѣкоторые опыты новаго употребленія цемента. Самымъ удачнымъ изъ нихъ признается устройство цементныхъ крышъ, причемъ этотъ составъ кладутъ на соломенную кровлю. Крыша оказалась не только непромокаемою, но и гораздо прочнѣе желѣзной. Въ одну изъ бурь желѣзныя кровли завода были снесены или попорчены, а цементная осталась цѣла и невредима.

Чудная въ самомъ дѣлѣ эта страна—на сотни верстъ тянется по голубому морю зеленый берегъ, полный восхитительныхъ видовъ, а нѣтъ ни одного пристанища на немъ въ самую маленькую волну, нѣтъ ни одной дорожки на самомъ берегу. Что значитъ — нѣтъ ни дорогъ, ни портовъ? Значитъ, что нѣтъ ни суда, ни власти, ни торговли. Но этотъ отвѣтъ забываетъ тѣми, которые живутъ на желѣзодорожныхъ путяхъ, и они доносятъ по всѣмъ инстанціямъ: „русское поселеніе не прививается даже къ той сѣверной окраинѣ Кавказа, которую занимаетъ такъ называемый Черноморскій округъ“.

Смѣло по глубокому убѣждѣнію отвѣчу, что выводъ этотъ несправедливъ. Тамъ, гдѣ есть какая-нибудь возможность жить—русское поселеніе живетъ, обживается, доказываетъ во-очію, что можетъ богатѣть,

и само говоритъ, что тутъ наteilъ юга лучше ему, чѣмъ на сѣверномъ морозѣ.

Доказательства близки. Любезный сотникъ даетъ казака и лошадь, рано утромъ мы выѣзжаемъ изъ Новороссійска и, лавируя среди гигантскихъ ямъ и болотъ на большомъ трактѣ, мчимся вдоль отъ берега изъ одного ущелья въ другое, гдѣ расположены разныя селенія.

Верстахъ въ 20 отъ Новороссійска въ прелестномъ ущельи, рядомъ съ нѣсколькими чешскими и греческими поселками, въ верстѣ отъ удѣльного имѣнія Абрау съ восхитительно-чуднымъ горнымъ озеромъ, лежитъ имѣніе М. Н. Каткова, состоящее изъ тысячи десятинъ, исколько лѣть тому назадъ купленное у графа М. Т. Лорисъ-Меликова за 25 тысячъ рублей. Тутъ природа приготовила все для того, чтобы человѣкъ могъ получить сторицей за свой трудъ и рубль, положенные въ землю. Ущелья и возвышенности защищаются отъ вѣтровъ; горный грунтъ такъ хороши для нѣкоторыхъ сортовъ винограда, что по сосѣдству мѣстный агрономъ г. Гайдукъ производить вино рислингъ, оцѣненное во Франціи знатоками по 8 франковъ за бутылку, т. е. дороже 3 рублей; въсосѣднемъ же Абрау выдѣлывается лафитъ, смыло могущій поспорить съ лучшимъ и самымъ дорогимъ краснымъ виномъ окрестностей Медона и Бордо; поляны, орошаемыя ключевою водой, покрытыя дикими плодовыми деревьями, просятъ только маленькой заботы и культуры, чтобы отблагодарить за нихъ роскошнѣйшими фруктами. Кроме того, черезъ имѣніе г. Каткова проходитъ колесная дорога, что на Кавказѣ составляетъ одно изъ исключительныхъ удобствъ и выгодъ положенія. И все-таки графъ Лорисъ-Меликовъ продалъ землю не особенно дешево. Лежащія рядомъ земли гг. Пиленко, Никифораки, Пенчула и проч., также пожалованыя, почти не приносятъ дохода, не могутъ сыскать покупателя и глядятъ до сихъ поръ дикимъ пустыремъ. Въ Черноморскомъ округѣ и на самомъ берегу моря можно купить по 10—20 рублей десятину некультивированной и по 50—60 рублей десятину обработанной земли. Продавцовъ много, а покупателей нѣть. Никто почти не соблазняется этимъ роскошнымъ сосѣдствомъ моря и горъ, гдѣ тысяча рублей могла бы дать труженику лучшее въ мірѣ мѣсто для отдыха, собственную дачку, собственный садъ, собственный виноградъ и собственные фрукты юга... Имѣніе г. Каткова также въ полу забвѣніи у его хозяина. Маленькая избушка управляющаго чеха—вотъ и всѣ постройки на тысячу десятинъ; молодой плодовый садъ на 25 десятинахъ, да сдача земли сосѣднимъ поселенцамъ за 30—40 рублей за десятину подъ табакъ—вотъ и все хозяйство имѣнія. Но и такая бѣдность въ здѣшнемъ краѣ сравнительно богатство въ настоящемъ и действительное богатство въ близкомъ будущемъ. Теперь фруктовый садъ г. Каткова на 25 десятинахъ едва-ли не самый обширный по пространству на всемъ кавказскомъ

черноморъѣ: на всѣхъ 17 тыс. десятинъ удѣльнаго вѣдомства и на всѣхъ 25 тыс. десятинъ пожалованныхъ даромъ разнымъ лицамъ, въ Черноморскомъ округѣ нѣтъ ни одного такого обширнаго сада, какъ у г. Каткова. Правда, что заведеніе и постоянные то дренажъ, то орошеніе сада стоятъ не дешево, но, какъ мнѣ разсказывали, садъ черезъ пять-шесть лѣтъ обѣщаетъ давать болѣе пяти тысячъ рублей ежегоднаго чистаго дохода. Скромный управляющій чехъ встрѣтилъ меня очень радушно и, угощая хлѣбомъ съ виномъ, спрашиваетъ:

— Будете въ Москвѣ, не увидитесь ли, ради Бога, съ Михаиломъ Никифоровичемъ?

— Не знаю, можетъ быть...

— Ахъ, пожалуйста... Расскажите ему, какое здѣсь чудное мѣсто.. вѣдь это прелестъ, богатство, кладъ...

— Да развѣ онъ самъ никогда не былъ здѣсь?

— Никогда! И купилъ заочно и до сихъ поръ ни разу не заглянулъ. Пріѣзжали его дѣти... но вѣдь хозяинъ онъ. Пишу ему, пишу... есть дѣла спѣшиныя, а отвѣта или совсѣмъ не получаю, или отвѣтъ приходитъ черезъ полгода, даже черезъ цѣлый годъ бывало... Ради Бога, если увидите...

Г. Старосельскій, начальникъ главнаго управлѣнія на Кавказѣ, въ своемъ отчетѣ 1881 г. его высочеству намѣстнику о ревизіи Черноморскаго округа отзыается о садѣ г. Каткова, какъ объ образцомъ для всего округа. Лучшія свободныя мѣста здѣсь заняты чехами: лѣтъ двадцать тому назадъ мѣстная администрація носила славянофильскій отпечатокъ и выписывала въ свой край заграничныхъ братьевъ по крови. Чехамъ давались лучшія земли, очень солидныя пособія, за ними ухаживали, ихъ лечили, ну, и точно, теперь эти братья благоденствуютъ. Недавно ихъ заставили принять русское подданство. Русскому языку они научились довольно хорошо и теперь нерѣдко вступаютъ въ брачное родство съ русскими. Между чешскими есть и русское поселеніе—Борисовка. Кругомъ каменныя горы, земли, годной для запашки, мало. Переселенцы изъ разныхъ губерній, по преимуществу изъ Курской, Харьковской и Полтавской, т. е. степняки. Сначала всѣмъ было имъ до-нельзя трудно на непривычномъ мѣстѣ. Горы мѣшиали сохѣ и глазу, давили умъ и взглядъ. Большинство бросило пашню и отдалось постороннимъ заработкамъ—труду на табачныхъ плантацияхъ, извозу и пр. Эта работа и болѣе легкая, и болѣе занимательная, чѣмъ земледѣліе; она всегда отнимаетъ у сель крестьянъ, по характеру болѣе живыхъ и неимѣющихъ дома власти, задерживающей отъ разгула на сторонѣ. Но вотъ по сосѣдству греки занимаются табакомъ, чехи виноградомъ; видѣть мужики, что это многое выгоднѣе хлѣбнаго дѣла, что негодныя для ржи и пшеницы каменныя горы—прекрасныя мѣста для лозы, что топкія

шашни, не привытливые для озими и ярового—дають чудесный табакъ. Долго присматривались и примѣнялись русскіе поселенцы, а потомъ и сами начали пробовать, но очень осторожно: этотъ годъ $\frac{1}{8}$ десятины заведутъ виноградника, $\frac{1}{8}$ табаку, на будущій годъ еще по $\frac{1}{4}$ десятины того и другого. Въ началѣ трудно было имъ и примѣниться къ обработкѣ вновь полученного плода: виноградъ или зеленъ, или подсохъ; табакъ переросъ или отсырѣлъ. Но сметка у русскаго человѣка быстрая: первые годы продавали свой табакъ по рублю за пудъ, а теперь и за 15 руб. купцы берутъ у нихъ съ охотой. Также завелъ въ одномъ изъ здѣшнихъ уѣздовъ желѣзнодорожный тузъ-баронъ плодовый садъ. Русскіе поселенцы работали поденно подъ наблюденіемъ ученаго садовника, воротились домой и начали себѣ разводить также фруктовые сады. Вотъ какъ велика сила примѣра. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ научить безграмотнаго человѣка, кромѣ его глазъ и рукъ, пущенныхъ на новую работу?

Бюрократы, не задумываясь, берутъ русскаго крестьянина, привыкшаго изъ поколѣнія въ поколѣніе поддерживать лишь соху по ровной степи лѣтомъ и спать на печкѣ длинную зиму, видѣвшаго только рожь и овѣсть, берутъ, садятъ на гору среди пустырей, подъ южное солнце и дивятся, печалуясь: „ахъ, русскіе не годятся для колонизации Кавказа!“ А еслибы тутъ, въ этомъ благодатномъ природой Черноморѣ, были дороги, были заведены хоть кой-гдѣ образцовые фермы—увидѣлъ бы міръ, какъ быстро умѣеть учиться новому, какъ быстро умѣеть богатѣть русскій крестьянинъ. А теперь нельзя же его винить, если, прия изъ Новгорода на Кавказъ, онъ срубаетъ лимонныя и апельсинныя деревья для топки въ печи. Устройство образцовыхъ фермъ диктуется очевидною необходимостью и самою природой вепсей, если можно такъ выразиться. Напримеръ, русскаго сельскаго люда въ Черноморскомъ окружѣ не наберется и 3 тыс. душъ; казенной пустой земли мало, да кромѣ того земли, отведенной для удѣльного вѣдомства, почти 20 тыс. десятинъ. И онъ стоятъ нетронутыя культурой. Такъ, въ Абрау изъ 7,230 дес. обработано подъ садъ и виноградникъ всего $15\frac{1}{2}$ дес.; въ Вардоне изъ 6,700 дес.—культивировано 15 дес.; въ Дагомысѣ изъ 2,528 дес.—18 дес. и т. д. А между тѣмъ, администрація самая бюрократическая и имѣнія приносятъ значительный убытокъ. Я посѣтилъ только Абрау, гдѣ любовался на громадный погребъ съ двумя боченками вина, на массу домовъ и построекъ, такую массу, что въ нихъ навѣрно можно посадить фруктовыхъ деревьевъ и лозъ ровно столько же, сколько поставлено во всемъ обширномъ имѣніи. Мнѣ рассказывали, что одинъ Абрау приноситъ удѣламъ ежегодно до 10,000 руб. убытка. Не лучше ли и для казны обратить эти убыточныя земли на пользу населенія, сдѣлавъ ихъ образцовыми фермами и заселивъ кругомъ новыхъ русскихъ посе-

ленцевъ? Если эти поселенцы будуть платить только по гривеннику за десятину, и то убытокъ замѣнится барышемъ.

Любо посмотретьъ на русскаго крестьянина, освоившаго съ почвой и плодомъ южнаго края! Онъ положительно цвѣтетъ взглядомъ, мыслию и тѣломъ. Съ пыльной улицы его изба уходитъ въ тѣнь обширнаго двора, превращеннаго въ фруктовый садъ; въ немъ семья подѣлилась по разнымъ домамъ лишь для спокойствія домашняго очага, но работа въ полѣ и на горахъ, кони, корова, овца и птица—все общее. Старику-дѣду построена маленькая хатка-особнякъ съ желѣзною печкой, потому что „старыя кости паръ любятъ“, а живетъ семья подъ его началомъ, какъ въ старое, хорошее время. И старики хранитъ въ себѣ завѣтъ стараго, умнаго опыта. Подростки, напр., почти не работаютъ: чутъ увидитъ дѣдъ на юномъ челѣ потныя капельки, и кричитъ: „Петро, иди домой, будетъ!“ Отцы иной разъ въ спорѣ вступаютъ: „чего ему домой, пусть помогаетъ“, а дѣдъ кротко разсказываетъ: „не замай мальченка, неха его погулять, заморится—хуже, ростомъ маль выйдетъ, здоровьемъ не великъ, и безъ его работы Господь поможетъ справимся!“

Да, еслибъ у имѣющихъ въ своихъ рукахъ судьбы русскихъ поселенцевъ на Кавказѣ была хоть капля доброго и умнаго желанія, они могли бы въ одинъ десятокъ лѣтъ превратить весь кавказско-государственный убытокъ въ величайшее богатство русской земли.

II.

Сухумъ.

Навѣрно и живописецъ не нарисуетъ лучшаго вида, чѣмъ открывающійся изъ этого маленькаго городка видъ на море, окаймленное двадцативерстнымъ изгибомъ горъ съ садами и дачами у подошвъ, видъ на холмы и горы, возвышающіеся сзади Сухума, гдѣ без счетное число ущелій одно другого краше. Для больного грудью или утомленными нервами Сухумъ—истинный рай. Кругомъ зелень, впереди море, сзади чистый горный воздухъ, тишина жизни, мягкие контуры окрестностей, чистенькая улицы, маленькие дома, утопающіе въ массѣ деревьевъ, кустовъ и цвѣтковъ; два-три дня въ году съ температурой ниже минусъ 5 градусовъ, отсутствіе душной жары лѣтомъ, такъ какъ на разстояніи почти каждыхъ ста саженъ по городу течетъ ручеекъ прозрачной горной воды...

Не удивительно-ли, что такое чудное, живописное и здоровое мѣсто, какъ большая часть кавказско-черноморскаго берега, до сихъ поръ не сдѣлалось пунктомъ отдохновенія и реставраціи силъ разныхъ тружениковъ мысли и художества? Тѣмъ болѣе удивительно, что, кромѣ этого

берега, въ Россіи нѣть другого мѣста, гдѣ бы средній карманъ могъ такъ легко и дешево, такъ красиво и сладко устроиться, какъ на этомъ прелестномъ берегу. Выстроить домикъ лѣтній и легкій стоитъ не дорого, рублей 150 за комнатку; развести садъ еще легче, потому что благодатная небо и земля здѣсь гонятъ вѣточку вверхъ и въ толщу такъ сильно, что черезъ пять лѣтъ малюсенький черенокъ обращается въ великолѣпное многовѣтвистое дерево. Найти, затѣмъ, жильца, могущаго беречь дачку во время отсутствія—дѣло самое простое и нестоющее ни хлопотъ, ни денегъ. Въ миломъ городкѣ Сухумѣ, окаймленномъ съ одной стороны голубымъ моремъ, съ другой—высокими зелеными горами, теперь свободныхъ мѣстъ больше, чѣмъ застроенныхъ. Нашествіе турокъ и восстаніе абхазцевъ превратили бѣленыкій городъ въ груду развалинъ. Черезъ камень на камнѣ вѣтается дикий виноградъ; изъ пней срубленныхъ плодовыхъ деревьевъ вышли новые молодыя деревца и ждутъ себѣ новыхъ хозяевъ. Мертвая администрація края долго не будетъ въ состояніи воскресить цвѣтъ города и долго еще мѣста въ немъ будутъ продаваться за баснословно дешевую цѣну. Теперь можно купить городскую землю менѣе чѣмъ по полтиннику за квадратную сажень. И не думайте, что Сухумъ въ самомъ дѣлѣ городъ, т. е. неудобное житѣе лѣтомъ для купанья въ морѣ, или длинною прекрасною осенью—для отдыха, или мягкою зимой—для поправленія усталой груди, измученныхъ нервовъ и т. п. О, нѣть! Сухумъ только называется городомъ; онъ менѣе городъ, чѣмъ Царское Село, Павловскъ, Сокольники и Петровскій паркъ и болѣе походитъ на дачное жилье, чѣмъ всѣ вышеупомянутыя привилегированная мѣстности. Въ канавахъ по улицамъ въ Сухумѣ текутъ безчисленные ручейки чистой, какъ кристалль, воды, зеленая травка вездѣ окаймляетъ природную мостовую, деревья даютъ обильную тѣнь, море и горы—прощаду,сосѣднія дачи—чудную прогулку; болота и лѣса, до которыхъ рукой подать—охоту на утокъ, бекасовъ, куликовъ, фазановъ, дикихъ козъ и кабановъ. Взять туземную маленькую лошадку съ сѣдломъ на цѣлый день за два рубля и карабкаясь съ горы на гору въ окрестностяхъ, не заѣзжая и на десять верстъ отъ городка—можно насладиться на такие чудные виды и ландшафты, что прелестъ этой поѣздки глазъ не забудетъ до гроба. На бульварѣ играетъ музыка, кое-когда устраиваются танцы и пикники. Однимъ словомъ, скучать въ Сухумѣ можетъ только мѣстный, прикованный къ нему человѣкъ, а не прїѣзжій для отдыха и здоровья житель большихъ центральныхъ городовъ, прїѣзжій изъ ихъ однообразного вида, пыли, духоты и усиленнаго труда.

Г. Михайловскій, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“, оцѣнилъ прелестъ, удобство и здоровье Сухума. Онъ купилъ на краю города нѣсколько сотъ саженъ съ остатками разрушенныхъ построекъ, развелъ великолѣпный садикъ фруктовыхъ деревьевъ, соорудилъ маленький, чистень-

кий, бѣленыкій домикъ и пріѣзжаетъ въ него ежегодно лѣтомъ для отдыха. Все—земля, садъ, домъ, служебныя постройки и проч. обошлось ему, какъ разсказываютъ, не дороже 2—3 тысячъ рублей. А мѣсто великолѣпное—рядомъ ботаническій садъ, обширный и граничащій съ подножьемъ живописной горы „Тропеци“. Отъ моря десять минутъ ходьбы. Родственникъ г. Михайловскаго—мѣстный инженеръ-архитекторъ, живетъ въ этомъ прелестномъ домикѣ и, ухаживая за садомъ, обращаетъ эту дачку въ чудный уголокъ. Почти рядомъ съ домомъ г. Михайловскаго продается мѣсто, еще болѣе красивое, лежащее на пригоркѣ, откуда предъ взоромъ разстилается громадный и неописуемо величественный видъ на весь городъ и море, мѣсто въ 8 десятинъ съ готовымъ фруктовымъ садомъ, съ огромнѣйшимъ запасомъ строительного материала въ полуразрушенномъ замкѣ—все это богатство продается за 3 т. рублей и не можетъ даже за эту баснословно дешевую цѣну найти себѣ покупателя!

В. И. Чернявскій, нашъ извѣстный ученый натуралистъ, почти не покидаетъ Сухума. Тутъ для его наблюдений обильный материалъ—ежегодно онъ отправляетъ отсюда въ музей цѣлые ящики рѣдкихъ животныхъ, птицъ, гадовъ и насекомыхъ. Сухумскій воздухъ лечить его разстроенное здоровье, а взятый имъ такъ называемый „санитарный“ участокъ земли даетъ ему массу дѣла, хлопотъ и заботъ. Санитарными называются участки земли въ нѣсколько десятинъ близъ города, раздаваемые даромъ съ обязательствомъ культивировать ихъ въ извѣстный срокъ. Г. Чернявскій уложилъ въ полученную имъ землю не одинъ десятокъ тысячъ рублей, но война вырвала съ корнемъ все его предварительные труды, а убытокъ, причиненный ею, до сихъ поръ не вознагражденъ.

Для хозяина и любителя даровъ природы Сухумъ неистощимый кладъ. Колышекъ плодового дерева, воткнутый въ землю, черезъ три года уже приносить фруктъ и доходъ; въ пять лѣтъ преобразуется въ настоящее дерево; на открытомъ воздухѣ цвѣтутъ, растутъ и созрѣваютъ чай, апельсинъ, лимонъ, персикъ, слива, груша и яблоко, миндаль и орѣхъ. Роза, камелия, магнолія, рододендрон—обращаются въ нѣсколько лѣтъ въ роскошныя деревья; лавра и пальмъ—сколько угодно въ ближайшихъ горахъ. На нихъ же въ дикомъ видѣ растутъ почти все плодовыя деревья; стоитъ срубить сучокъ, воткнуть въ землю вашего сада, привить къ нему крохотную вѣтку культивированного подобнаго же растенія и черезъ два-три года не оберешься отъ количества плодовъ. Надѣя апельсинами ставятъ крышу, подпираютъ ихъ кольями—такъ обильно они обременены массой фруктовъ. Ни о поливкѣ, ни объ орошениіи и думать не надо—влаги вездѣ въ долинѣ и на возвышеностяхъ больше чѣмъ нужно. Въ горахъ есть дикия козы, кабаны, фазаны и куропатки; въ ближайшихъ болотахъ бекасы и кулики; на заливчикахъ моря—утки и нырки; въ многочисленныхъ рѣчкахъ—сазаны и форели; подальше въ морѣ—

тысячи уродливыхъ дельфиновъ, предлагающихъ свой дорогой жиръ мѣткому стрѣлку. Въ горахъ и рѣчкахъ богатыя свинцово-серебряныя руды, каменный уголь и остатки генуэзскихъ сооруженій, въ которыхъ они промывали чистое золото изъ рѣчного песка. Всего 70 лѣтъ тому назадъ абхазскіе и имеретинскіе князья чеканили свою собственную золотую монету...

Да, золотой во всѣхъ отношеніяхъ край!

А войдите въ городъ и вы увидите поражающее зрѣлище: на одну кое-какъ выстроенную лачужку торчатъ двадцать высокихъ каменныхъ стѣнъ разрушенныхъ домовъ, заросшихъ внутри и снаружи дикимъ виноградомъ; во всемъ городѣ ни одного порядочнаго магазина; длинныя улицы почти заросли травой и на нихъ рѣдкость встрѣтить хоть одного проходящаго или проѣзжающаго человѣка; на площадяхъ пасутся свиньи, коровы и буйволы; тысячи плодовыхъ деревьевъ гибнутъ въ самомъ центрѣ города въ заброшенныхъ и ничѣмъ не огороженныхъ садахъ; въ церкви нѣтъ иконъ; въ городѣ не достанешь ни зелени, ни мяса, ни фруктовъ, ни рыбы, ни дичи, ни масла, ни молока, ни яицъ; нѣтъ даже муки въ цѣломъ сухумскомъ округѣ. Городъ утопаетъ въ ниппетѣ и безднѣ... Кругомъ города непроходимое болото, нѣкогда осушенное, съ засорившимися каналами, съ заросшими просѣкками, болото, повергающее все населеніе въ невыносимыя лихорадки, хотя края болота почти сходятся съ берегомъ моря, такъ что канавка въ пятьдесятъ аршинъ могла бы спасти обитателей отъ ужасной болѣзни и превратить топъ въ самый лучшій садъ всего Кавказа.

— Какимъ же образомъ, объясните мнѣ, пожалуйста, обращался я къ десяткамъ мѣстныхъ жителей:—этотъ роскошный край превратился въ гнѣздо нищеты и самаго нагляднаго разоренія?

— Одна причина всему—наша администрація, отвѣчали мнѣ всѣ, безъ исключенія, граждане и жители Сухумской области, всѣ—и чиновники, и торговцы, и поселяне.

Сухумъ—единственная мѣстность русской терраторіи, видѣвшая на себѣ врага въ прошлую войну. Турки ворвались въ ея округъ, избалованные туземцы абхазцы немедленно обратились въ ихъ союзниковъ, русское войско, крайне малочисленное, отступило, жители бросали все, даже дѣтей, спасаясь отъ врага. Не турки, а туземцы сожгли городъ, разорили въ немъ все, что могли, вырубили всѣ деревья, всѣ кусты, уничтожили весь скотъ, заколовъ и изувѣчивъ его, всѣ сады, огороды и дачи... Но вотъ врагъ ушелъ и жители стали вновь прибывать—ихъ ждали лишь остатки каменныхъ стѣнъ, устоявшіе отъ огня и меча. Всѣ разорены до тла, но, вмѣсто немедленной помощи, їдетъ комиссія оценокъ, комиссія первая, комиссія вторая, комиссія третья, комиссія четвертая и комиссія пятая... Одна цѣнить ваше имущество въ 9 тысячъ, другая въ 7,

третья въ 6, четвертая въ 5 и пятая въ четыре тысячи рублей. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ рапортовъ, отношеній, просьбъ; дѣло проходитъ всѣ кавказскія инстанціи—ихъ же нѣсть числа—всѣ петербургскіе пороги и лишь въ 1880 году полуоканчивается; приказывается выдать Сухумскому округу 350 тыс. рублей съ тѣмъ, что когда онъ застроится на эту сумму, то можетъ снова начать старую длинную пѣсню новыхъ ходатайствъ. По удивительной вышепоясненной оцѣнкѣ, городъ понесъ убытка минимум на миллионъ двѣsti тысячъ рублей, деревни — на 800 тысячъ и казна потеряла въ постройкахъ и запасахъ до пяти миллионовъ рублей. Изъ выданныхъ 350 тысячъ жителямъ досталось не болѣе 100 тысячъ. Построились кой-кто, опять оцѣнили и признали, что новаго недвижимаго имущества въ городѣ завелось болѣе чѣмъ на полмилліона; разсчитывая на послѣдующія выдачи, многіе успѣли призанять деньжонки. Опять началось ходатайство, конечно, въ ближайшихъ канцеляріяхъ. Отказали. Подавали прошенія, жалобы—отказъ и отказъ. Одна теперь надежда Сухума—на присяжныхъ повѣренныхъ и на исѣкъ къ казнѣ.

Деревнямъ еще не дали ни копѣйки за раззореніе.

Сухумъ былъ до войны единственнымъ городкомъ Закавказья, богатымъ русскимъ поселеніемъ. Еще съ давнихъ порь русскіе солдатики при полученіи отставки любили селиться здѣсь на массѣ свободныхъ городскихъ земель; строили дешевые домики изъ дарового обильнаго сосѣдняго лѣса, заводили огороды, птицу, скотину; учились ремеслу, однимъ словомъ, были одновременно и обрусителями города, и самыми полезными его гражданами. Явились они опять въ Сухумъ на свое попелище послѣ войны, дали имъ по 50 рублей за убытки и сказали:

— Братцы, опять селиться въ городѣ не могу пустить васъ; у васъ домики очень малы, не красивы, ступайте за городъ, въ болота...

Заплакали братцы.

— Помилуйте, мы тутъ двадцать лѣтъ жили, стѣны остались, тутъ мѣсто здоровье, сухое...

— Нельзя!

— Смируйтесь, тутъ наши огороды, земля удобренная, взрытая, готовая!

— Нельзя!

— Весь окончательно городъ, вашество, въ однѣхъ развалинахъ стоитъ, все же какъ ни неказисты наши дома, а жилые вѣдь будутъ!

— Нельзя!

— Вѣдь мы, по праву давности, собственники этой земли...

— Молчать!

Такъ и выгнали русское населеніе города за городъ въ необработанное болото, на жертву лихорадокъ и нищеты, отведя каждому только по 150 кв. саженъ, тогда какъ многіе изъ этихъ „коренныхъ“ граж-

данъ Сухума владѣли вдвое большимъ количествомъ въ центрѣ города. Раззоренные, выгнанные „братьцы“ нищенствуютъ, а городу ъсть нечего, ибо туземецъ еще не умѣеть заняться ни птицей, ни скотомъ, ни огородомъ, ни ремесломъ.

— Вотъ странное дѣло, замѣтитъ, пожалуй, какой-нибудь петербургскій чиновникъ:—да чѣо же эти братьцы-бараны не жаловались въ судъ на такое очевидное нарушеніе ихъ правъ собственности?

Увы! жалоба для здѣшняго бѣднаго люда невозможна, абсолютно немыслима. Во всемъ Сухумскомъ отдѣлѣ (губерніи) нѣть ни одной дороги; единственный путь до ближайшаго окружного суда—море. Надо сѣсть на пароходъ,ѣхать въ Батумъ; тамъ, если море покрыто рейчиками, сидѣть недѣлю въ ожиданіи яснаго неба, потомъ отправиться на другомъ пароходѣ въ Поти; въ этомъ лягушечьемъ городкѣ подождать поѣзда одной желѣзной дороги до номинально кутаисской станціи, па ней перейти въ поѣздъ городской дороги; затѣмъ уже слѣдуютъ обычныя волокиты—адвокаты, расходы и поклоны. Потомъ обратный путь тѣмъ же манеромъ. Здѣсь поистинѣ судъ „за морями и океанами“...

Знаменитый генераль Евдокимовъ, бывало, покорить черкесовъ, выгонить ихъ и на границѣ побѣдѣ тотчасъ построить русскія станицы вольныхъ казаковъ. А нынѣче времена другія, давно уже другія времена. О „русскомъ“ Кавказѣ мало кто думаетъ, а дѣлаютъ Кавказъ грузинскимъ, армянскимъ, абхазскимъ и т. д. Сухумъ одинъ изъ яркихъ образчиковъ этой новой системы. Въ немъ изъ великаго, еще неисчисленнаго количества земель, только 24,000 десятинъ отведено для переселенцовъ; наибольшее число таковыхъ — оборванцы изъ Турціи породы армянъ и грековъ, а русскимъ досталась пока одна крохотка сухумской землицы. За то туземцамъ, бунтовавшимъ въ 54, въ 66 и 77 годахъ, предоставлена чуть не вся территорія области. Но не подумайте, что тутъ ублажается туземецъ-мужикъ—Боже сохрани! Мужику абхазцу точно дали общинную землю, но за то самые лакомые кусочки предоставлены разнымъ кавказскимъ князьямъ и дворянамъ. Такъ даже бывало, что мужикъ - туземецъ съ сотворенія міра жилъ на излюбленной горкѣ, весь свой дворъ испещрилъ могилами предковъ (таковъ здѣсь обычай); забыть, когда и кѣмъ посажены его многолѣтнія фруктовыя деревья; но въ одно прекрасное утро ему объявляютъ: „убирайся, другъ; это мѣсто князю Назишвили отведено!“ Изъ многочисленныхъ тому примѣровъ укажу на два въ разныхъ округахъ Сухумскаго отдѣла: на селенія Звандрибш и Дурибш въ Пицунскомъ округѣ (уѣздѣ) и на селенія Отари и Адзюбша въ Очемчирскомъ округѣ. Въ обоихъ болѣе двухсотъ семей были согнаны съ своихъ осѣдлостей въ лѣсъ, ибо ихъ усадьбы были подарены мѣстному дворянству. Для ублаженія послѣдняго изобрѣтены всѣ способы. Однофамильцамъ бывшихъ владѣтельныхъ князей Абхазіи — Шерванид-

замъ отведено болѣе 15 т. десят. лучшихъ земель: одному на рѣкѣ Чумистѣ драгоценный кизилевый лѣсъ, гдѣ каждому дереву цѣна измѣряется сотнями рублей; другому на Киндыхѣ, близъ моря, еще болѣе дорогой „мачтовый“ дубовый лѣсъ, оцѣниваемый знатоками въ миллионы рублей; третьему вся прибрежная полоса почти до Кавказа возвѣ самаго Сухума и т. д. Шервашидзе родственники барона Николая, управлявшаго всею гражданскою частью на Кавказѣ. Князю Эристову пожаловано въ одномъ округѣ 800, въ другомъ 1,700 десятинъ; Сараджеву 1,000 дес., капитану Витгенштейну $7\frac{1}{2}$ тыс. дес., Кравченко $1\frac{1}{2}$ тыс. дес., Краевичу $1\frac{1}{2}$ тыс. дес., Красницкому 860, Чхотуа 800 и т. д. Не забудьте, что здѣсь считаются *minimum* 40 т. десятинъ прекраснѣйшаго пальмового лѣса (букса) и потому иная десятины надо цѣнить по меньшей мѣрѣ десятками тысячъ рублей. Однимъ словомъ, въ Сухумскомъ отдѣлѣ отдано земледѣльцу 149,000 дес., а привилегированному сословію отведено около 135,000 десятинъ. Послѣдняя цифра увеличивается ежегодно. Уже послѣ войны десятки тысячъ десятинъ разошлись по рукамъ. Да кромѣ того, здѣсь вотъ какія интересныя условія изобрѣтены для укрѣпленія туземнаго привилегированнаго землевладѣльчества: получають отъ казны надѣлы всѣ мѣстные князья (тавады) по 50 десят. на главу и по 25 десят. на члена семейства; всѣ мѣстные дворяне потомственныя по 30 десят. на главу и по 15 на каждого члена семейства; дворяне 2-й степени (и таковыхъ Кавказъ изобрѣлъ!)—по 25 на главу и по 10 на члена. За каждый чинъ, военный или гражданскій, отъ юнкера до штабъ-офицерскаго, туземецъ получаетъ по 10 десятинъ, а выше—по 30 десятинъ; за каждый орденъ, получаемый туземцемъ, ему отводится еще по 20 десятинъ. Повторяю, не мѣряйте кавказскую землю русскою мѣрой; у насъ въ зимней Россіи десятину земли и за рубль купить можно, а здѣсь два примѣра: князю Шервашидзе за тысячу десятинъ лѣса уже теперь предлагаютъ 600 тыс. руб., г. Старосельскому за 10 десятинъ, пожалованныхъ ему въ Баку, даютъ 250 тыс. руб., а онъ просить, ни больше, ни меныше, какъ полмилліона. Впрочемъ, туземные финансисты даже безъ громкаго титула умѣютъ тутъ также ловить крупную рыбку. Напр. 300 десятинъ съ великолѣпною, богатѣйшею залежью каменнаго угля въ Сухумскомъ отдѣлѣ „подарили“ армянамъ Караеву и Авалову. Уголь лежитъ въ горкѣ на самой сплавной рѣкѣ, но господа счастливые собственники пока не трогаютъ этого богатства: „теперь—разсуждаютъ они—подарокъ стоитъ одинъ миллионъ, а вотъ проведетъ сюда казна же лѣзную дорогу—будетъ стоить 5 милліоновъ; подождемъ...“ Тифлісскіе литографщики Томсонъ и Дюкстердикъ пожелали взять себѣ горку въ 3 т. десят., состоящую сплошь изъ такого литографскаго камня, которому лѣна за одинъ кусочекъ 500 руб. Впрочемъ, они не хотѣли даромъ полу-

чить эту горку—они предлагали казнѣ плату по одной копѣйкѣ за десятину. Это-ли не чудеса Кавказа?

Ну, а если русскій дворянинъ изъ Россіи вздумаетъ здѣсь поселиться? Можетъ; черезъ три-четыре мѣсяца ему отведутъ трущобу подъ названіемъ санитарного участка въ двѣ десятины, и обязуютъ его контрактомъ въ цѣлый томъ величиной, гдѣ не дозволяется такія-то растенія сѣять, другія непремѣнно сѣять, такія-то деревья выкорчить, другія посадить не ближе, какъ на пять сажень другъ отъ друга, виноградъ не разводить и проч. и проч. Если малѣйшее упущеніе совершилъ—землю отберутъ безъ вознагражденія, а если можетъ раззоряться 10 лѣтъ сряду, то послѣ этого искуса ему выдаютъ на всѣ двѣ десятины данную и крѣпость. Такихъ санитарныхъ участковъ очень много, достаточно для всей Россіи—чуть-ли не цѣлый десятокъ, т. е. почти 20 десятинъ... Два-три охотника сорить деньги и теперь есть, но барышей они не видали еще.

Простой русскій поселянинъ также можетъ явиться въ Сухумъ. Впервыхъ, онъ долженъ не имѣть ни малѣйшей недоимки дома; во вторыхъ, самъ переписаться въ область, затѣмъ начать ходатайство. Три-четыре мѣсяца поселенецъ проводитъ подъ открытымъ небомъ въ городѣ, потомъ его посылаютъ подъ открытое небо въ отведенный участокъ. Приведутъ въ дѣственныій лѣсъ, на болота, кругомъ звѣрье, никакой дороги нѣтъ, ни медиковъ, ни аптеки, ни фельдшеровъ не полагается, пособій никакихъ, и говорятъ: „живи и множься!“ Первымъ долгомъ переселенецъ заболѣваетъ гнилою лихорадкой, царствующей на Кавказѣ во всѣхъ дикихъ не культивированныхъ мѣстахъ, точь въ точь, какъ въ Бразиліи; помоци ни откуда: во всемъ отдалъ одинъ врачъ. На другой день звѣрь уничтожить всѣ его посѣвы: ни оружія, ни пороха не даютъ русскому; правомъ носить оружіе на Кавказѣ пользуются лишь туземцы; на третій день абхазцы, мингрельцы и имеретинцы украдутъ у него весь скотъ... Переселенецъ не можетъ такимъ образомъ ни землю обрабатывать, ни скота разводить, ни жить. Какъ туземцы безнаказанно и нагло воруютъ весь скотъ у переселенца—вообразить безъ цифръ невозможно. Такъ, въ Очемчирскомъ округѣ, гдѣ всѣхъ жителей считается 2,600 душъ, а переселенцевъ не болѣе сотенъ душъ, въ 3 послѣдніе года украдено болѣе 2,000 лошадей, а о количествѣ украденаго рогатаго скота и свѣдѣній нѣтъ; кражей скота занимается каждый туземецъ и судить его нельзя, и поймать невозможно. Неприступныя горы, отсутствіе дорогъ—спасаютъ вора, а боязнь мести и полное отсутствіе гражданственности среди туземцевъ заставляютъ ихъ на судѣ считать свидѣтельское клятвопреступленіе за образецъ чести и осторожности. А между тѣмъ, этотъ дикий народъ судятъ по новому русскому судебному уставу. Оттого, конечно, скотокрадство въ этой странѣ рас-

теть въ весьма замѣтной пропорціи со дня введенія здѣсь этихъ непригодныхъ для Кавказа судовъ. Вотъ образчикъ этой пропорціи; въ двухъ участкахъ лошадей крали:

	Въ 1879 г.	1880 г.	1881 г.	$\frac{1}{2}$ 1882 г.
Въ Гудаудскомъ участкѣ	12	21	64	78
Въ Самурзаканскомъ участкѣ . . .	304	307	525	620

Безъ скота какое богатство у крестьянина-поселенца? И вотъ, получивъ по 30 десятинъ на душу, поселянинъ чуть не умираетъ съ голода, обрабатывая землю собственою рукой да лопатой. Оттого здѣсь поражаетъ незначительность переселенческихъ запашекъ. Напр., село Николаевское, состоящее изъ 120 душъ, обрабатываетъ лишь 37 десятинъ, Ольгинское, изъ 110 душъ—только 18 десятинъ и т. д. Голодъ и лихорадки морятъ взрослыхъ и уродуютъ юность. Въ селеніи Морынскомъ въ позапрошломъ году родился одинъ, а изъ 100 душъ рабочихъ умерло 37, въ Александровскомъ родилось 9, умерло 24, въ Георгіевскомъ родилось 9 и умерло 17 и т. д. Русскіе переселенцы молятъ объ одномъ: „пустите насъ, ради самого Христа!“ Но ихъ нельзя отпустить: впервыхъ, надо отписаться отсюда, что требуетъ долгой и великой бумаги, во вторыхъ, что ни говорите, а вѣдь скандалъ—вдругъ всѣ уйдутъ; лучше ужъ пусть всѣ умираютъ—это менѣе замѣтно.

Абхазцы возставали противъ русской власти и русского поселенія и въ крымскую кампанію, и въ послѣднюю войну, и въ серединѣ между этими двумя эпохами—въ 1866 году. Каждый разъ ихъ бунтъ сопровождался полнымъ раззореніемъ города, гдѣ русского поселенія не мало, бѣгствомъ русскихъ переселенцевъ и пожаромъ ихъ усадебъ. Да и теперь *de facto* военное положеніе продолжается. Вѣдь Сухумскій отдѣль чаisticка русской территории, а потому не безъинтересно узнать, что же тутъ предпринято для замиренія края, для цивилизациіи его и для его братства съ русскимъ народомъ?

Мы уже знаемъ, что жизнь русскаго переселенца здѣсь обставлена такъ, что, попавъ сюда по ошибкѣ, онъ не уходитъ отсюда лишь потому, что его не отпускаютъ во избѣженіе огласки и скандала. А между тѣмъ ясно, какъ дважды два—четыре, что безъ русского широкаго переселенія на Кавказъ сей послѣдній вѣчно будетъ оставаться притчей во языцѣхъ, кладомъ, приносящимъ миллионные убытки русскому народу, военнымъ лагеремъ инородческихъ чиновниковъ, вражескою угрозой нашему отечеству и полудикою, отрѣзанною отъ насъ страной. Здѣсь, однако, не рѣдкость услышать о великихъ препятствіяхъ русскому поселенію. Разберемъ ихъ. Говорятъ о губительномъ свойствѣ лихорадокъ. Но (ссылаясь на всѣ отчеты мѣстныхъ врачей) на прибрежья Чернаго моря—лихорадки легко устранимы; онѣ гнѣздятся и бываютъ непривычного человѣка въ срединѣ дикихъ ущелій, поросшихъ непроходимымъ дѣствен-

нымъ лѣсомъ, да на болотахъ, гдѣ маленькая канавка легко могла бы унести въ море всю излишнюю влагу. Зачѣмъ же садятъ здѣсь русскаго поселенца именно на болото? Затѣмъ, если представляется необходимость селить русскихъ непремѣнно на мѣстахъ необитаемыхъ — хотя эта необходимость просто непонятна, ибо еще недавно изъ Абхазіи бѣжали въ Турцію десятки тысячъ туземцевъ — то отчего бы не заставить мѣстное населеніе, довольствующееся одною кукурузиной въ день, коснѣющеое въ тунеядствѣ, балующееся разбоемъ и не боящееся никакихъ лихорадокъ, не заставить его приготовить мѣстечко для русскаго мужика, очистивъ лѣсъ, прорывъ канавки и построивъ дома? Такая натуральная повинность была бы вполнѣ справедливою, ибо русскій мужикъ несетъ на себѣ въ Россіи массу повинностей, а кавказскій туземецъ — ровно никакихъ: ни дорожныхъ, ибо дорогъ нѣтъ, ни рекрутскихъ, ни обывательскихъ. Тогда русскій человѣкъ не умиралъ бы на кавказскомъ прибрежье, какъ муха осенью, да и туземецъ научился бы кое-какой работѣ. Затѣмъ, разсуждаютъ, что если давать переселенцамъ надлежащія пособія, въ видѣ хлѣба и зерна, пока у него не завелось своего урожая, плодовыхъ отростковъ для разведенія садовъ, доктора и хины, пока не акклиматизировался, дороги для сообщеній и т. д., то придется тратить ежегодно по миллиону рублей. А позвольте спросить, можете-ли вы, гг. кавказцы, разсчитывать на уменьшеніе дефицита въ десятки миллионовъ на Кавказѣ, расходуемыхъ на массу чиновниковъ и войскъ, пока чудная почва Кавказа не покроется достаточнымъ числомъ русскихъ поселеній? Кто безъ нихъ сможетъ разлить здѣсь мирную гражданственность и обеспечить покой? Не масса же войскъ и бюрократія, т. е. десятки миллионовъ дефицита? Понятно, гдѣ выгода... Далѣе, указываютъ на враждебность туземца къ русскому переселенцу, но это указаніе одна шутка. Дикий горецъ, конечно, не можетъ уважать русскаго, когда за убійство сего послѣдняго его только ссылаютъ на пять лѣтъ безъ лишенія княжескаго титула (дѣло объ убійствѣ князьями Шервашидзе и Иналыпа двухъ русскихъ пастуховъ), а за обкрадываніе русскихъ только читаютъ оправдательные приговоры. Но еслибъ здѣсь умѣли любить русскаго человѣка, цѣнить его трудъ и кровь — ручаюсь головой, что въ два-три года туземецъ научился бы чтить въ русскомъ господина Кавказа.

Вотъ какіе жалкіе несостоятельные доводы приводятъ здѣсь противъ возможности и необходимости русскаго переселенія на Кавказъ. До такой степени жалкіе, что невольно возникаетъ вопросъ: нѣтъ-ли тутъ другой логики, секретной и болѣе умной, чѣмъ высказываемая гласно?

Абхазцы не имѣютъ ни собственной грамоты, ни письменности, ни опредѣленной религіи. Они даже шапокъ еще не научились носить.

Но школы есть, населеніе учится охотно, есть миссионеры и церкви, содержимыя на русскія деньги. Отчего же я встрѣчаю здѣсь такъ рѣдко

знающихъ по-русски? Вотъ тутъ-то и открывается ларчикъ кавказской логики. Оказывается, что абхазцамъ сочинили азбуку только не изъ русскихъ буквъ, а изъ грузинскихъ; что ихъ учать не русскому языку, а грузинскому, столь же непонятному для нихъ и далекому, какъ и русской, французской или английской, что имъ служатъ въ церквяхъ обѣдни и вечерни только не по-абхазски, не по-русски, а на грузинскомъ языкѣ; что у нихъ всѣ учителя, всѣ священники—грузины, что и благочинный, и епископъ надъ ними—тоже грузины. Не подумайте, что это случайность, одна изъ комическихъ пьесъ, нечаянно выползшая изъ подъ игривой руки какого-нибудь бюрократа. Нѣтъ, это система обдуманная и прямолинейная. Не одни абхазцы грузинируются—бѣдныхъ осетинъ также учать не русскому, а грузинскому языку. Русскій переселенецъ, желающій учиться или молиться, тоже обязанъ знакомиться съ великотѣпіемъ грузинскаго нарѣчія. Мало того, даже суды Кавказа завели повѣстки на грузинскомъ языкѣ и разсылаютъ ихъ не только абхазцамъ, но и русскимъ. Такъ, мнѣ передали здѣсь повѣстку по-грузински, адресованную черноморской казачкѣ Авдотьѣ Лысенковой...

Теперь посмотримъ, что предпринято для защиты этой столько разъ раззоренной непріятелемъ территории. Каждое раззореніе стоитъ русской казнѣ миллионы, десятки миллионовъ, прямо вынутыхъ изъ кармана. Вопервыхъ, казна должна платить за убытки жителямъ, вновь строить свои казармы и начальственные хоромы, во вторыхъ... при внезапныхъ передрягахъ и неожиданномъ отступлѣніи легко, говорять, теряются и казенные суммы, и приходо-расходные книги... Вы видите, я совсѣмъ уже не считаю убытокъ странѣ отъ застоя дѣль при вражескомъ нашествіи или бунтѣ, убытки частныхъ лицъ etc. На эти деньги давно можно было бы провести въ Сухумъ желѣзную дорогу, а по всей области—шоссе. И понятно, что тогда не могло бы быть рѣчи о нашествіи врага или опасномъ бунтѣ туземцевъ. Но, увы! во всей области только и есть 17 верстъ шоссе, да и то безъ мостовъ, такъ что въ 8 верстахъ отъ города въ рѣчкѣ Келасуръ часто гибнутъ лошади, повозки, товаръ и люди. Съ остальнымъ міромъ Сухумская область имѣеть соображеніе или по орлинымъ тропинкамъ черезъ снѣжныя вершины горъ, или моремъ, закрываемымъ для русскаго судоходства во время войны. На берегахъ чуднаго залива нѣтъ ни укрѣплений, ни пушекъ. Пока одинъ Господь Богъ бережетъ этотъ чудный уголокъ для доброго русскаго будущаго.

III.

Въ Сухумской области.

Какъ велика эта область—еще никто доподлинно не знаетъ. Мѣряютъ на глазъ приблизительно сотней тысячъ десятинъ не культивированныхъ пастбищныхъ мѣстъ, да сотней тысячъ втунъ стоящихъ дорогихъ лѣсовъ. Доподлинно опредѣлено лишь, что туземцу-абхазцу отведены на дѣломъ 149 т. и привилегированному сословію пожалованы даромъ 132 тыс. десятинъ. Странно, всѣ тутъ говорятъ: „русское поселеніе въ области немыслимо по климатическимъ и этнографическимъ условіямъ я“, но, въ противорѣчіе къ этой ученой фразѣ, инстинктъ, что-ли, или далеко запрятанный остаточекъ совѣсти заставилъ тутъ и для русскаго поселенія отвести кусочекъ земли. Счетъ, впрочемъ, на эту землю уже не ведется сотнями тысячъ, нѣтъ, такъ просто сотнями. На всѣхъ переселенцевъ, хотя бы и китайскихъ, предназначено изъ миллиона десятинъ области 25 тысячъ.

Конечно, первыми откликнулись оголенные турками греки Анатоліи. Они бѣжали отъ меча на утлыхъ лодочкахъ и пристали въ негостепріимномъ открытомъ вѣтрамъ и волнамъ Сухумскомъ заливѣ. Лодки набиты голоднымъ людомъ, взрослымъ и малымъ, какъ сельдями боченокъ. Узрѣли крестъ, крестятся, молятся, радуются...—„А позвольте-ка паспорты?“ обращается къ нимъ мѣстная администрація. Бѣглецы рты разинули.

— Безъ паспортовъ не пустимъ! рѣшили имъ въ отвѣтъ. Скрипятъ перья въ канцеляріяхъ, стражи стоятъ на берегу съ заряженными ружьями, чтобы оградить начальство отъ непріятельского флота безпаспортныхъ бѣгледовъ, а небо сердится, мочить и бросаетъ по волнамъ утлыхъ лодченки. Тѣсть нечего, топота одолѣваетъ; начали серьезно болѣть. Напелся, наконецъ, догадливый человѣкъ на берегу: онъ посовѣтовалъ пробуравить лодку и пустить ее погружаться на дно. Пробурали, погружается; бѣглецы бросились па палубы и мачты, кричать, орутъ: „спасите, спасите, тонемъ, погибаемъ!“. Канцелярія написала законъ, по которому людей съ утопающаго судна можно принять на берегъ и безъ паспорта, спасли бѣгледовъ, окружили ихъ стражею и, за неимѣніемъ мѣста въ острогѣ, поселили ихъ на берегу. Дожили они на сырьемъ песку до получения лихорадки, а потомъ ихъ свезли не въ больницу, какъ вы думаете, а на отведенныя имъ участки...

Этотъ рельефный и очень недавній случай съ греками служитъ характеристикой гостепріимства Сухумской области и по отношенію къ русскому переселенцу.

Идетъ такой караванъ до синяго моря дружно—впереди лошадка, самъ на телѣгѣ, а сзади бычекъ и телка привязаны. А дальше какъ

быть? Посадить на пароход лошадь, телегу и скотинку — дроже ихъ цѣнности обойдется. Бхать опять въ телѣгѣ нельзя — дорогъ путь. Вотъ и рѣшаетъ караванъ: „мы-ста на пароходной палубѣ отправимся, а ты Ванюшка и ты Петрокъ, иди берегомъ, гони скотинку; телегу надѣть продать, тамъ смастеримъ новую“... Сѣли и поѣхали, а Ванюшка и Петрокъ погнали скотъ по зеленому бездорожному берегу Чернаго моря. Сколько мѣки приняли добрые парни — звѣрь пугаетъ, рѣчки черныя быстрыя переплывали, до острому камню ноги кололи, одеженку разорвали на безпутныхъ колючкахъ юга, но вотъ и Сухумская область, обѣтованная земля, желанный край. Не вся скотинка вынесла далекій тернистый путь — только четыре головы дognали. Но вотъ господа єдутъ на встрѣчу; кони лучше арабскихъ, сбруя блеститъ серебромъ, ружья, кинжалы и грудные патроны жаромъ горятъ отъ отдѣлки изъ дорогого металла. И точно эти господа — наибогатѣйшіе сухумскіе князья — Иналыча и Шерванидзе, фамиліямъ которыхъ только недавно пожалованы тысячи десятинъ земли... Подскакали, прицѣлились и хлонѣ изъ пистолета въ парней, снявшихъ почтительно свои русскія шапочки. Парни испугались и кинулись въ воду — дѣло было на берегу моря. Ихъ сіятельствамъ, конечно, не стоило бы ничего еще разъ разрядить свои револьверы и покончить мгновенно бѣдныхъ русскихъ мальчиковъ, но богатые князья Кавказа любятъ забаву. Они слѣзли съ коней и, покалывая царнушекъ длинными кинжалами, загоняли ихъ поглубже въ морскія волны, пока небо не сжалось и не взяло къ себѣ невинныхъ души...*). Скотинку князя взяли себѣ...

Добрель, наконецъ, переселенецъ до Сухума. Гдѣ бы тутъ у русскаго человѣка пріютиться. Ступай за городъ въ болото — туда послѣ войны всѣхъ русскихъ жителей изъ города перевели. Про странствіе по присутствіямъ и рассказывать скучно — такъ знакома всѣмъ и каждому эта картина, отвратительная, печальная и убогая картина. Никто, конечно, не встрѣчаетъ русскаго переселенца привѣтствіемъ: „добро пожаловать, васъ-то, русскихъ людей, намъ и нужно для мирнаго упроченія Кавказа за великою общею родиной!“ Совсѣмъ иначе говорять съ переселенцемъ:

— Покажи паспортъ! Недоимки есть? Не сбѣжалъ-ли? Подъ судомъ не состояшь? Подъ слѣдствіемъ не былъ? Зачѣмъ пришелъ? Чего же дома-то не жилось? и такъ далѣе.

И тутъ же, безъ стѣсненія, одна свѣтлая пуговица обращается къ другой:

*) Эти сіятельный убийцы не только не покѣшены, но даже не отданы подъ судъ; вмѣсто ваказавін, для нихъ изобрѣтена административная ссылка въ Россію за 5 лѣтъ, безъ лишенія княжескаго достоинства. Не знаю, смыются или говорятъ правду, что ихъ «сылаютъ въ Петербургъ».

— Воть бродяга-то народъ — откуда приперъ, а тутъ заразится лихорадкой и околѣтъ... Эхъ, мало ихъ бываютъ нынче...

Нельзя и винить чиновниковъ, что они отводятъ переселенцамъ дебри и болота, потому что, впервыхъ, отводъ совершается на картѣ; ввторыхъ, образовательный цензъ чиновничества не на столько высокъ, чтобы они могли понять всю важность, государственную важность, для Кавказа въ русскомъ переселенчествѣ; втретыхъ, вѣдь имъ никто и не указываетъ на эту важность, а напротивъ, всѣ смотрятъ на переселеніе, какъ на появленіе мухъ лѣтомъ—надо хоть извѣстную бумажку на блюдѣ выставить для пищи, чтобы отвязаться отъ ихъ назойливости. Это сравненіе, увѣряю васъ, вовсе не преувеличено. Минъ такъ и говорили:

— Лѣзутъ, что съ ними подѣлаете, распустили ихъ очень...

А когда я сталъ убѣждать и доказывать, что Кавказъ до тѣхъ поръ не перестанетъ давать убытки русской казнѣ, до тѣхъ поръ будетъ грозить бунтами, грабежами и разбоемъ, пока не заселится достаточнымъ количествомъ русского трудового люда, что поэтому надо послѣдняго, пока его такъ мало, беречь, какъ сокровище, лелеять, ласкать, надѣлять всѣми благами въ пустѣ лежащей богатой природы—меня слушали съ снисходительнымъ удивленіемъ и въ отвѣтъ опять повторили:

— Да вѣдь околѣваетъ онъ здѣсь—чего же и тащить его сюда?

Приходитъ, наконецъ, русскій переселенецъ на отведенное мѣсто. Оно или берегъ заросшаго ручья въ глубокомъ ущельи, или болотная долинка среди высокихъ горъ, или прибрежный песокъ. Дороги нѣтъ—гдѣ вилавъ, гдѣ ползкомъ. Ни хаты, ни готоваго бревна; кругомъ звѣрь и абхазецъ-воръ. Некуда скотину загнать, нечѣмъ прикрыться отъ дождя, не у кого помощи попросить. Одинъ сосѣдъ—лихорадка; заберетъ она, а докторъ во всей Сухумской области одинъ на городъ, на господъ и на поселенцевъ. Дойти до него—недѣля пути по бездорожью, позвать его—не можетъ отлучиться. Фельдшера бы, но, увы! онъ назначенъ только для Цибелдинскаго округа (уѣзда), и то по настоянію попечителя, когда полъ-округа вымерло чуть не въ одинъ мѣсяцъ. Хины бы—негдѣ взять, одна аптека на всю область. Вотъ и вымираетъ переселеніе. Такъ, для примѣра, беремъ одинъ изъ недавнихъ годовъ:

Родилось. Умерло.

Въ с. Николаевскомъ	13	18
” ” Анастасьевскомъ	19	24
” ” Георгіевскомъ	9	17
” ” Александровскомъ	9	24
” ” Марвинскомъ	1	37 и т. д.

Въ общемъ итогѣ въ пяти названныхъ селеніяхъ, состоящихъ изъ 548 душъ, родилось 51, умерло 120, т. е. одинъ годъ населеніе убавилось безъ какихъ-либо эпидемій почти на 13 проц. и по этому раз-

счету можетъ окончательно вымереть не далъе, какъ въ одинъ десятокъ лѣтъ. Впрочемъ, можетъ быть и гораздо раньше, такъ какъ молодое поколѣніе, еще съ люльки зараженное лихорадкой, не растетъ, не крѣпнетъ, не полнѣетъ, и, не зная ни крови, ни молока на юныхъ щекахъ, кажется на видъ безсильнымъ карломъ.

— Абхазцы—лѣнти, тунеядцы и воры, такъ единогласно характеризуетъ мѣстная администрація туземцевъ.

Характеристика вполнѣ вѣрная, я и говорю: отчего же вы не заставите абхазцевъ попривыкнуть къ обязательной работе—пускай бы они несли натуральную повинность, вѣдь ихъ господинъ — русскій пахарь, платить подати, исправляетъ разныя повинности, воюетъ, охраняетъ и платить кавказскіе дефициты...

— Вѣрно, вѣрно...

— И заставили бы ихъ, абхазцевъ-то, дороги продѣлывать и ремонтировать. Есть у васъ инженеры?

— Есть, есть, какже...

— Дома для русскихъ переселенцевъ приготовлять Вѣдь и архитекторъ, вѣроятно, у васъ по штату полагается?

— Полагается, полагается; еще бы, безъ архитектора какъ же можно...

— Расчищали бы для переселенца землю...

— Оно, конечно, отвѣчаютъ:—это хорошо бы было, очень справедливо даже, только не въ нашей оно власти...

Такъ и стынуть на языкѣ всѣ добрые планы. А казалось бы многое сдѣлать и должно, и легко. Всѣхъ жителей въ области едва-ли наберется тысячъ одиннадцать, всѣхъ переселенцевъ изъ Россіи—сотни одни, а земли-то, земли, а чиновниковъ-то, чиновниковъ—счасть нельзя.

Поселился русскій человѣкъ на вольномъ мѣстѣ, пособія никакого, только если голодъ припрутъ—дадутъ немногія муки, которая въ общей сложности обходится государству, конечно, гораздо дороже, чѣмъ правильно и во-время выданное вспомоществованіе переселенцу при взятіи имъ земли. Такъ, напримѣръ, некоторые греческіе переселенцы перебрали мукой до 400 руб. на семью... Попробуетъ засѣять—кабанъ придется и сѣѣсть. Ни оружія, ни пороха переселенцу не даютъ, хотя всякий знаетъ, что зимой здѣсь бываютъ кабановъ чуть не въ самомъ городѣ простыми полѣньями—такая ихъ масса на пустыхъ пожалованныхъ мѣстахъ. Купить самому ружье—негдѣ, надо выписывать, т. е. тратить цѣлый мужицкій капиталъ, а чтобы получить порохъ, отправляйтесь за тридевять земель безъ дорогъ и топчите пороги начальства, чтобы сначала добыть свидѣтельство за скрѣпой и печатью. Для скота другой звѣрь — туземецъ. Онъ и прежде безпощадно кралъ, но все-таки боялся военнаго суда, да у этого суда и военные власти были друзья, берегли дорожки, тропинки и горные проходы. Но съ той поры, какъ туземцу преподнесли

мировой судъ—онъ повеселѣлъ; судъ сталъ его оправдывать, а онъ красть такъ, что переселенцы сразу очутились безъ лошадей, коровъ и овецъ, моля Бога лишь объ отпускѣ ихъ съ „вольныхъ“ земель обратно въ тѣсную родину. Описывая Сухумъ, я уже приводилъ цифры кражъ до реформы суда и послѣ нея. Теперь поясняю лишь, что это различіе во все не происходитъ отъ того, что новый судъ больше открываетъ преступлений. Нѣтъ, поселенецъ всегда заявлялъ о пропажѣ скота съ однаковою аккуратностью. Но вѣра его въ судъ пропала, безъ суда же жить невозможно и выучился мужикъ закону Линча. Пойдетъ въ поле, нарубить хворосту, полѣнъ, сложить въ горку, на нее вскинетъ вора и зажжетъ... Звѣремъ назовутъ самоуправщика развѣ тѣ, которые и вчужѣ понять не могутъ, какъ у крестьянина умираютъ съ голоду дѣти безъ хлѣба, когда нѣтъ на дворѣ рабочей скотины. Но абхазца трудно поймать. Русскій человѣкъ па горахъ не ловокъ, а туземецъ не хуже серны скачеть по скаламъ черезъ пропасти. Ни русскій человѣкъ, ни власть его не знаетъ чуть вылоющихся бѣлою ниточкой по горамъ троинокъ, а туземецъ ихъ знаетъ, какъ грамотныи буквы и слоги. Гдѣ догнать, гдѣ найти? Къ тому же, абхазецъ не корыстолюбивъ: укравъ корову, онъ доволенъ, если сѣѣсть отъ нея фунтикъ ростбифа, а остальное достанется голодному звѣрю. Абхазцы и мингрельцы до того прославились своимъ искусствомъ по части кражи скота, что сосѣдній съ Сухумскою областью Черноморскій округъ, гдѣ русскаго переселенца болѣе берегутъ—запретилъ жителямъ области переходить границу округа...

Итакъ, что же подѣлываетъ русскій переселенецъ въ области? Голодаетъ, засѣвая по $\frac{1}{3}$ десятины на душу и посыпаетъ нынѣ депутатовъ въ Тифлисъ съ напокорнейшемъ просьбою о дозвolenіи выписаться и уйти изъ благодатнаго края...

I V.

Б а т у мъ.

Климатъ мягче ницскаго, видъ роскошнѣе неаполитанскаго, прелестная бухта, желѣзнодорожный пунктъ соединенія двухъ русскихъ морей—Чернаго и Каспійскаго, лучшая стратегическая постойка для военныхъ судовъ, и, наконецъ, тутъ же начинается вѣрнѣйшая дорога къ Босфору. Вотъ каковъ Батумъ. По обязанности я долженъ описать эту мѣстность, но если вы хотите имѣть сколько-нибудь приблизительно вѣрное описание ея, прибавьте къ моимъ словамъ силу вашего воображенія и вѣрьте, что мѣстность эта красиѣе во сто разъ больше, чѣмъ выходитъ изъ подъ моего пера.

Если всмотреться въ очертаніе Чернаго моря, то мы тотчасъ замѣтимъ, что Россія уже вышла изъ предѣловъ Кавказа и сдѣлала первый шагъ на знаменитый богатствомъ Азіатскій берегъ, который англичане не безъ основанія зовутъ второю Калифорніей. Тутъ кавказское прибрежье, сдѣлавъ глубокій загибъ къ юго-востоку, поворачиваетъ на западъ и въ самомъ загибѣ, окаймленномъ безконечною цѣпью теперь бѣлѣющихъ снѣгами горъ, на узенькой зеленої долинѣ расположился Батумъ. Прямо передъ нимъ—голубая вода естественной бухты; за нею горы, покрытыя зеленымъ лѣсомъ, за ними горы еще повыше, закутанныя синевой дали, еще дальше также горы и горы, все болѣе далекія и переходящія всѣ цвета, отъ фіолетового до чернаго. Въ заливѣ масса рыбы; цѣлый день идетъ на немъ пальба ловкихъ стрѣлковъ по дельфинамъ, безопасно кувыркающимся поверхъ воды подъ лучами теплого весеннаго солнца. Въ лѣсу на горахъ, на ближайшихъ болотцахъ и озеркахъ великое множество дичи—отъ бекаса до вепря. Пароходы, идущіе изъ Россіи съ сѣвера Чернаго моря не могутъ останавливаться въ Поти, гдѣ вода въ дружествѣ съ инженерами поглощаетъ всѣ казенные миллионы, предназначенные на постройку порта; суда становятся въ Батумѣ. Отсюда же идетъ вѣтвь желѣзной дороги къ поти-тифлісско-бакинскому пути, изгибаюсь узкою ленточкой по заливу-порту. Наконецъ, рядомъ съ Батумомъ начинается та Турція, которая не производить ничего, кроме хлѣба, ожидая русскаго товара. Такимъ образомъ, Батумъ—естественное русское окно на Востокъ и Юго-западъ.

А въ Батумѣ между тѣмъ нѣть ни одного русскаго купца...

Еслибъ я былъ завоеватель Батума (простите столь нескромную мечту!), я очистилъ бы чудный берегъ залива отъ грязныхъ, вонючихъ и прогнившихъ лачужекъ, назвалъ бы его „московско-купеческимъ“ и раздалъ бы его по частямъ даромъ русскимъ торговымъ фирмамъ съ добрымъ совѣтомъ: „постойте за честь родной страны, заводите здѣсь ваши магазины, склады и амбары! Тутъ вамъ дорога открытая и въ Персію, и въ Индію!“ Потомъ перекрестилъ бы дрянной городъ двумя широкими улицами, назвалъ бы одну „геройскую“, другую „солдатскую“ и кликнулъ бы кличъ по русской землѣ: „вотъ вамъ всякомъ, кому угодно, да ровныя мѣста; кто хочетъ торговать, служить, учить, работать или просто поправить здоровье на благорастворенномъ воздухѣ юга— милости прошу!“ И былъ бы Батумъ симъ, стройте дворцы, палаты, дома или лачуги!“ И былъ бы Батумъ русскимъ городомъ, познакомилась бы и сосѣдняя Азіатія съ русскимъ человѣкомъ, и точно, дорогой подарокъ русской крови русской землѣ оказался бы брилліантомъ...

Но пока все произошло какъ разъ наперекоръ моимъ мечтамъ. Въ турецкихъ городахъ земля всегда принадлежитъ Богу и султану. Но, видя бѣгство неминуемымъ, турецкая власть въ послѣдніе дни своего

владычества въ Батумѣ за грошъ и пятачъ продавала всѣ улицы, даже площади, всѣ пригородныя земли кому угодно, выдавая на то надлежащіе документы. Да и послѣ, когда Батумъ былъ уже занятъ русскими войсками, такие документы долго фабриковались въ Трапезундѣ и затѣмъ предъявлялись русской бюрократіи. Послѣдняя поступила такъ: учредила комиссію для разсмотрѣнія подлинности этихъ документовъ, утвердила ихъ и послала на дальнѣйшую санкцію. Жульническіе документы воровской турецкой администраціи превратились такимъ образомъ въ крѣпостные акты собственности. Конечно, если бы гг. члены этой кукольной комиссіи были знакомы съ юриспруденціей, они поняли бы, что нельзя утверждать акты отчужденія правительственной собственности, составленные въ моментъ занятія страны во имя закона—войны, на томъ же основаніи, по которому недѣйствительна продажа и залогъ имущества съ момента объявленного на него запрещенія, но известно, что у насъ прежде всего не законъ, не умъ, не догадка, а кой-что другое... Вотъ и утвердили. Русскому человѣку некуда и голову преклонить въ Батумѣ; русская власть площади размежевываетъ по завѣдомо-фальшивымъ документамъ муллѣ и муэзину, а мулла и муэзинъ шепчутъ себѣ въ бороду: „русскій человѣкъ сultана боится!“

А между тѣмъ русскіе люди совсѣмъ не ожидали такого афронта и ринулись въ Батумъ. Первыми пришли чиновники. Ихъ не обидѣли; имъ нашли хорошенъкій, сухой квартальчикъ и отвели мѣста. Ихъ надѣлы пошли было даже черезчуръ бойко, такъ что потомъ ихъ домогательства отправились по способу рачьяго хожденія и кто-то гдѣ-то нашелъ необходимымъ прикрикнуть: „стой, довольно!“ Появились и простые русскіе люди. При всемъ „искреннѣйшемъ желаніи“ кавказской администраціи, для этого люда не нашлось абсолютно ни одного клочечка земли въ городѣ, ни въ центрѣ его, ни на краяхъ. Послѣ многихъ хлопотъ, великихъ мытарствъ, черезъ пять лѣтъ наконецъ оказалось возможнымъ предложить этому люду верстахъ въ двухъ отъ города, но въ городской чертѣ кусочекъ болотца въ 12 десятинъ величиной. Тамъ безъ плана и архитектора выстроили русскіе люди избушки на сваяхъ, не плавали и не ходили по сушѣ по своей улицѣ, познакомились за то такъ близко съ лихорадкой, что на три четверти перемерли сразу, въ одинъ годъ, и такимъ образомъ увеличили населеніе не города, а кладбища ге-роевъ-завоевателей, внесли русскій элементъ не въ новый мусульманскій край, а лишь въ плодородную почву его. Оставшіеся въ живыхъ на половину разбрѣжались. Я сегодня былъ въ этомъ русскомъ кварталѣ, шагая чуть не по колѣно въ болотѣ. Стоятъ тамъ всего-на-всего семь дощатыхъ избъ и въ каждой изъ нихъ охаетъ больная или больной „лихоманкой“; въ рѣдкой изъ нихъ живые хозяинъ и хозяйка, еще рѣже хозяинъ на лицо.

— Гдѣ хозяинъ-то?

— Сбѣжалъ отъ лихоманки!

Разочаровался русскій людъ и другими манерами въ подаркѣ русскаго героя. Русскіе землекопы, каменьщики, столяры и плотники пріѣхали строить батумскую вѣтвь желѣзной дороги. Концессіонеры не капиталисты, денегъ не хватало, дали вмѣсто конѣекъ — росписки, мѣстная аристократія — армяне, греки и жиды — учили росписки за гроши, администрація прибавила — взяла да и выслала ропчущихъ мужиковъ по этапу на родину за просрочку паспортовъ... Вотъ тебѣ и подарокъ!

Да, русскихъ людей здѣсь очень мало. Ихъ нѣтъ ни въ администраціи, ни въ торговлѣ, ни въ простыхъ, поденныхъ работахъ. Цивилизациѣ распространяется нами на Кавказѣ весьма страннымъ образомъ. Простой мѣстный разбойничій народъ мы постепенно обращаемъ въ воровъ и мелкихъ мошенниковъ; торговый мѣстный элементъ — въ ростовщиковъ; мѣстную интеллигенцію — въ мечтательную бюрократію. Живительнаго духа нѣтъ и отъ всѣхъ, и отъ всего пахнетъ трупомъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, здѣшнія кавказскія племена, отживающія свой вѣкъ, потерявшія безвозвратно свою исторію, смѣшившіяся на четыредесяти языкахъ, забывшія, гдѣ ихъ отчество и что такое отчество — какъ, не трупъ, если имъ негдѣ взять, если имъ не даютъ ни русской мысли ни русскаго языка, ни возможности родства съ русскою широкою великолѣшною натурой? Для самаго интеллигентнаго туземца небо будетъ представляться вѣчно скудною овчинкой, если около него нѣтъ русскаго человѣка. Все скопится въ немъ въ крайне ограниченное міросозерцаніе армянского, мингрельского, горійского или батумскаго, выражаяющагося въ черезчуръ элементарной формулѣ для жизни и дѣйствій: „выдумывай получить барышъ, а на все остальное плюй, гдѣ можно — убивай!“ Я знаю, что есть очень много поклонниковъ такой странной цивилизациѣ, но убѣжденъ, что не пройдетъ и одного вѣка, какъ ихъ прямые потомки помянутъ ихъ лихомъ и насть, конечно, съ ними. Доказательства тому и теперь на лицо. Сами мѣстные люди, практическіе, а не теоретики, ходятъ съ печальными лицами при назначеніи къ нимъ въ управители туземца, и радуются, когда онъ замѣняется русскимъ человѣкомъ. Сами мѣстные купцы ни за что не повѣрятъ на слово ни копейки иному купцу, какъ русскому. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, пріѣхалъ въ Батумъ представитель русскаго общества транспортированія кладей г. Ко-четковъ, и теперь его коносаменты ходятъ среди туземцевъ, какъ денежные чеки безъ малѣйшаго затрудненія для диконта. Предлагаю миллионъ тому, кто найдетъ, армянскій или еврейскій вексель, столь свободно гуляющій по свѣту съ стойкою, неизмѣнною и незаподозрѣнною чѣнностью. Зайдите здѣсь въ любую канцелярію и присмотритесь, какъ туземецъ инстинктивно мѣняется, когда ему приходится имѣть дѣло съ русскимъ,

а не туземнымъ чиновникомъ: онъ русскому писарю кланяется ниже, чѣмъ туземному начальнику отдѣленія. Всего двѣ-три недѣли тому назадъ батумское купечество—все на подборъ туземное—ходило къ губернатору гуртомъ жаловаться на неимовѣрно великое и нахальное грабительство и воровство въ городѣ, прося смѣны мѣстной полиціи—также почти на подборъ все туземной. Они прямо просили о „дарованії“ имъ русскихъ полицейскихъ чиновъ, инстинктивно увѣренные, что съ таковыми будетъ все-таки безопаснѣе жить въ городѣ. Я былъ вчера въ гостяхъ у маленькой пришлой артели русскихъ рабочихъ. Сидятъ безъ дѣла. Отчего?

— Мѣстный-то рабочій, отвѣчаютъ:—въ половину дешевле нашего, вотъ и берутъ его...

— Чего же вы ждете?

— А вотъ будутъ работы посурьезнѣй — крышу, али фундаментъ класть... тогда нась позовутъ—своему-то брату не довѣрять!

Иду я съ мингрельскимъ княземъ, зову извозчика.

— Этого не надо, замѣчаетъ онъ.

— Отчего? Развѣ не все равно?

— Нѣтъ, это туземецъ, еще задавитъ кого-нибудь, найдется дальше, тамъ есть русскіе извозчики, совсѣмъ князь.

У разныхъ конторъ есть коммисіонеры. Видѣлъ я нѣсколько—русскіе долгополые молодцы.

— Зачѣмъ это у васъ все коммисіонеры русскіе? спрашиваю у купцевъ.

— Нуженъ народъ скорый и добросовѣстный, наивно отвѣчаютъ армяне и греки.

У одного мѣстного торговца въ кабинетѣ встрѣчаю русскаго писаря.

— Отчего онъ полюбился вамъ?

— Да такъ, знаете, здѣсь надо въ секретѣ держать, какой товаръ выписываетъ, чтобы другой не узналъ, да не перебилъ торговлю.

— Значитъ, русскій-то вѣрнѣе вашего брата?

— Нѣтъ, знаете, а все жь какъ будто меныше опасаемся за него...

Мингрелецъ полиціймейстеръ заводитъ русскаго околоточнаго.

— Отчего же не мингрельца?

— Въ этой должности, батюшка, нужна строгая аккуратность...

Ломовые извозчики изъ мѣстныхъ никакой работы не имѣютъ, а русскіе ломовики порой рублей пять въ день добываютъ.

— Зачѣмъ, господинъ Янцъ или Швили, вы не протежириуете вашимъ компатріотамъ?

— Э-э, отвѣчаютъ Янцы и Швили:—не съ каждымъ же возомъ приказчика посыпать, а русскому навалишь, вези и кончено...

И такие мелкие факты на каждомъ шагу, невольно напрашиваются на подведеніе имъ итога. А итогъ очень простъ. Мы дома, въ кореннай

Руси, такъ привыкли къ самобичеванію, что совсѣмъ забыли о „сравнительной“ точкѣ зрења, забыли о томъ, что самый скверный русскій чиновникъ все-таки лучше чиновниковъ многихъ другихъ національностей, что самый отвратительный русскій кулакъ все-таки и честнѣе, и сердечнѣе кулака армянскаго или греческаго, что отъявленный негодяй-мѣщанинъ все-таки неизмѣримо лучше и человѣчнѣе мингрельца вора, грека мошенника или горіца разбойника. Да, лучше—я утверждаю это съ вполнѣйшимъ и глубочайшимъ убѣженіемъ, ссылаясь на то, что видѣлъ собственными глазами, что слышалъ отъ многихъ и многихъ и наконецъ основываясь на здравомъ размышленіи. Человѣкъ не полностю живетъ на свѣтѣ собственными привычками, понятіями и желаніями. Онъ всегда и вездѣ душевно связанъ съ нравственнымъ идеаломъ той среды, въ которой выросъ, къ которой принадлежитъ по роду, имени и племени. И чѣмъ проще человѣкъ, чѣмъ менѣе коснулась его освобождающая отъ чужого вліянія наука и книга, тѣмъ больше онъ радъ этой средѣ. Оттого русскій человѣкъ, самый дурной, испорченный, нѣть-нѣть да и вспомнить, кто онъ, нѣть-нѣть да и выкинетъ то великодушную, то честную черту своего народа. У него во всемъ сыщется хотя бы и печально далекая граница воровской привычки; но все-таки граница. Напр., развѣ средній типъ русскаго кулака рѣшился купить убийцу для зарѣза на смерть соперника по карману? Развѣ для средняго русскаго купца злостное банкротство составляетъ типическую черту? Развѣ для русскаго средняго мѣщанина дневной грабежъ есть атрибутъ его облика? Нѣть, русскій человѣкъ даже въ образѣ каторжника (вспомните „Записки мертваго дома“ Ф. Достоевскаго), даже на каторгѣ не лишается инстинктивнаго чувства достоинства и тамъ создаетъ свой „миръ“, свою „ромаду“ со взаимною нравственною связью ея сочленовъ.

На Кавказѣ сорокъ языковъ и сорокъ національностей, перепутанныхъ, перемѣшанныхъ и череззолосныхъ. У Кавказа одна будущность—слияніе съ Россіей кровью, сердцемъ и умомъ. Тутъ нужны русскіе люди, какъ цементъ и идеаль, нужны не столько для блага Россіи, сколько для счастья и воскресенія самихъ туземцевъ. Кавказъ, конечно, богатъ дарами природы, какъ Калифорнія, а мы, несомнѣнно, несемъ въ немъ лишь убытки, погребая въ его нераскопанномъ золотѣ мужицкіе потовые грозди. Но станемъ вѣрить, что близокъ день вознагражденія за протори и волокиты въ нашемъ обогащеніи на счетъ этой грандиозной природы. А гдѣ найти вознагражденіе туземецъ за потерянные десятки лѣтъ, потерянные съ прямымъ вредомъ для его будущаго? Поступивъ въ наши руки, онъ былъ простъ, не хитеръ, былъ разбойникъ по наивности, а не воръ по мошенничеству. Онъ сдался сырьимъ материаломъ и, побѣженный, протянулъ намъ свое оружіе: „на, молъ, бери и дѣлай со мной что хочешь!“ А что же мы сдѣлали съ нимъ? Объявивъ его покореннымъ, оста-

вили ему кинжалъ учиться убивать изъ-за угла; познакомили его съ деньгами, но не научивъ русскому языку, отдали его въ руки ростовщика-армянина подъ покровомъ чиновника-армянина. Чтобы научить его дисциплинѣ, мы не стали брать его въ солдаты, а образовали изъ туземцевъ милицію, никуда негодную, подъ начальствомъ тѣхъ же туземцевъ. Уничтожая феодализмъ, понадѣлали такое множество князей, что одни изъ нихъ (въ Кутаисѣ, напр.) попадаются подъ судъ за кражу веревокъ, другие (въ Тифлісѣ) служатъ конюхами, трети — здѣсь, въ Батумѣ, служатъ судомойкой въ гостинницѣ... Недальновидность ядовито посовѣтовала намъ дать туземцамъ и администраторовъ туземныхъ. Но простой туземецъ давнымъ-давно извѣрился въ своемъ братѣ; онъ и побѣжденъ, и покоренъ, онъ лишился отечества, своей исторической власти—какъ же имъ повѣрить ей лишь потому, что она надѣла мундиръ другого фасона? Какъ въ Болгаріи народъ уважаетъ больше русскаго унтеръ-офицера, чѣмъ болгарина - министра, такъ по той же самой причинѣ кавказецъ презираетъ кавказца. Народъ такимъ образомъ лишенъ здѣсь воспитанія и въ смыслѣ гражданскаго подчиненія. Вотъ онъ и грабить, разбойничаетъ, воруетъ, а придутъ ясные дни для русскаго люда, явится онъ сюда господиномъ, какъ въ свой домъ, построенный русскою кровью героеvъ, и найдетъ туземцевъ настолько испорченными, что слиться имъ будетъ трудно съ русскимъ тѣломъ и душой. Что же останется тогда на ихъ долю? Одно безъимменное и безслѣдное вымираніе отжившіей цаці?

Берлинскій конгрессъ приказалъ открыть въ батумской пристани безпошлины пріютъ иностранного товара. Европа рѣшила, что очень удобно заполучить на Черномъ морѣ, на самой границѣ между Кавказомъ и Азіатскою Турцией, складъ заграничныхъ товаровъ. У Турціи горы и разбойники, у Кавказа—горы и администрація, значить складъ сулить большія выгоды: авось потечетъ на цѣлые миллионы разной контрабанды. Русская комисія нашла по рѣчкѣ справа и слѣва Батума и сдѣлала ихъ границами порто-франко. Скучный, тихій турецкій городокъ превратился въ оживленный международный базарь. Въ четыре года населеніе выросло съ двухъ до восьми тысячъ душъ. Дома, амбары, лавченки—превратились въ блестящіе магазины, число которыхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Цѣнность земли и недвижимаго имущества въ городѣ возвышается грандиозными прыжками. Домъ на набережной при входѣ русскихъ продавался за 4,000 руб., теперь онъ превратился въ гостинный дворъ, приносить 29,000 дохода и за него хозяинъ просить ни болѣе, ни менѣе, какъ 270,000 руб. Такъ, г-жа Б. купила домикъ за 500 руб., а теперь не отдаетъ за предлагаемыя 12,000; тутъ молоканинъ приобрѣлъ кусокъ городской земли за 3,000, а годъ тому назадъ продалъ за 18,000 р. и т. д. Въ началѣ турки были недогадливы: они стремились бѣжать и распродавали свои хаты, сады и огороды за безцѣнокъ. Большая половина

ихъ имуществъ перешла бы тогда въ руки русскихъ, но канцелярии года два-три решала вопросъ о правахъ собственности, а тѣмъ временемъ цѣны на все выросли во сто разъ и городъ лишился надежды имѣть русскаго обитателя... Явилась въ Батумъ вся армія международныхъ обирателей. Пришли испанскіе евреи, царыградскіе греки, турецкіе армяне, французскіе евреи, австрійскіе нѣмцы, нѣмецкіе славяне, анатолійскіе левантійцы, русскіе поляки и прочіе милые люди. Изъ русскихъ прежде всѣхъ распорядился адмиралъ Чихачевъ: онъ взялъ отличный кусочекъ залива, построилъ прекрасный домъ общества пароходства, пристань и амбары. Русскіе пароходы заняли первое мѣсто въ Батумѣ и, можно сказать, что они только и дѣлаютъ этотъ портъ съ виду русскимъ. Затѣмъ явился г. Кочетковъ, агентъ Россійскаго общества транспортированія кладей. Молодой, энергичный человѣкъ завоевалъ довѣріе и отправилъ въ полгода въ Россію до 40,000 пудовъ мѣстныхъ фруктовъ. Наконецъ, прибыла масса чиновъ таможеннаго вѣдомства. Порто-франко доставилъ имъ самый тяжелый и неблагодарный трудъ. Съ одной стороны нѣтъ возможности уѣхать за беззаконнымъ провозомъ товара: заливъ широкъ; отойдеть барка подъ парусомъ, будто бы въ Турцію, налево, а скрывшись изъ глазъ за синими волнами, потихоньку повернетъ направо къ живописнымъ дикимъ и необитаемымъ берегамъ Кавказа, тамъ пристанеть къ песочку, встрѣтить друзей, выгрузить товаръ, выплыть рюмочку, а товаръ уже за чертой таможни и прыгаетъ въ армянскіе магазины, избѣшившись отъ громадной пошлины. А пошлина, въ самомъ дѣлѣ, такая, что обогатить можетъ. Напр., кусокъ чичунчи стоитъ здѣсь 10. руб. (26 аршинъ), а въ Россіи 30 и 40 руб., потому что одна таможня взыскиваетъ съ куска за 3 фунта шелка, т. е. 15 золотыхъ рублей. Страсть какъ выгодна у насъ контрабанда! Вовторыхъ, есть вѣдь и русскіе товары, идущіе изъ Батума, такъ какъ инженеры и вода продолжаютъ кушать миллионы, щедро отпускаемые на постройку Потійскаго порта. Какъ узнать, что товаръ русскій, чтобы пропустить безъ пошлины? Нужны или русскій ярлыкъ, или административное удостовѣреніе. И вотъ въ Марсели, въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ стали фабриковать русскіе ярлыки. Очевидно, цивилизованныя націи посовѣтовались съ юристами, потому что совершили подлогъ такъ, что, по русскимъ пробѣламъ въ уголовныхъ законахъ, онъ не подлежитъ ни наказанію, ни преслѣдованію, ни запрещенію. Напр., хорошия русскія свѣчи носятъ имя Крестовниковыхъ, а изъ Марсели прислали дрянныя свѣчи съ надписью „Братьевъ Крестовиковъ“; такими же штуками украшаютъ вѣнскую мануфактуру kleimами Морозова и проч. русскихъ извѣстныхъ фирмъ. На лондонскомъ чаѣ печатаютъ „Алибеговъ въ Тифлісѣ“ и т. д. А чуть таможня усомнится на счетъ русской крови такихъ марсельскихъ Федотовыхъ—начинается гвалтъ: всѣ евреи и греки кричатъ благимъ матомъ: „Ви не лупите нашу матуську*

Рассю, припятсвуте рашвитю очетенственной манафактура!“ Слѣдуютъ жалобы, прошения, происки, интриги и шатанія штатныхъ окладовъ... Административныя свидѣтельства, по обычаю, имѣютъ таксу, а благодаря этой таксѣ, вотъ какіе убытки несетъ казна на однихъ фруктахъ. Весь анатолійскій сосѣдній берегъ Турціи—сплошной садъ. Въ теченіи 1882 г. оттуда, изъ заграницы, прибыло въ Батумъ около 4,200 фелюкъ съ фруктами, т. е. приблизительно 600 тысячъ пудовъ яблокъ, ореховъ, грушъ и проч. вкусныхъ плодовъ, а изъ Батума выпущено въ Россію заграничныхъ фруктовъ менѣе 3 тыс. пудовъ, т. е. выходитъ такъ, будто 8 тыс. жителей Батума скушали въ 2—3 мѣсяца болѣе полумилліона пудовъ яблочковъ, грушъ и персиковъ или около 70 пудовъ скушала каждая персона, начиная съ грудного ребеночка и кончая столѣтнею развалиной. Въ то же время изъ малюсенькой батумской территории вывезено безпошлино, какъ мѣстное произведеніе съ административными въ томъ удостовѣреніями, около $1\frac{1}{2}$ миллионовъ пудовъ фруктовъ. Нельзя тутъ не подивиться гигантскимъ садамъ Батума такъ же, какъ гигантскому аппетиту батумскихъ жителей. По приблизительному разсчету казна, благодаря европейскому порто-франко, несетъ на однихъ фруктахъ въ годъ не меныше 300 т. рублей убытка.

А какія великия неудобства проистекаютъ для мѣстныхъ жителей, для русскихъ коммерческихъ предпріятій и для путешественниковъ отъ этого порто-франко! Батумъ на весь округъ единственное мѣсто, где туземецъ можетъ продать кой-что и купить необходимое для себя. Возвращается верхомъ, вотъ рѣчка, „стой“. Начинается обыскъ на границѣ порто-франко (въ верстѣ отъ города). Находятъ три аршина бязи.

— Это у тебя что? Контрабанда?

— Умеръ отецъ, у насъ, по обычаю, трущъ въ бязь оборачиваются...

— Нѣть, врешь, любезный, пиши заявленіе, прошеніе и объясненіе, вноси золотомъ пошлину, истребуй квитанцію,роспишись въ шнуровой книжѣ...

А туземецъ только и знаетъ одно русское словцо „юкъ!“. Каждый день эти несчастные являются толпой къ губернатору, кланяются въ ноги, молятъ: „спаси, трущъ гнѣтъ, зараза будеть, если не похоронимъ, дозволь провезти 3 аршина бязи!“ Но, увы! военный губернаторъ уполномоченъ закономъ посадить любого смертнаго безъ суда и слѣдствія (хотя бы, напримѣръ, таможенныхъ чиновъ) на 3 мѣсяца въ тюрьму, но не имѣть права пропустить безъ пошлины 3-хъ аршинъ каленкора. Онъ конфузится предъ туземцемъ, ходатайствуетъ предъ Петербургомъ, но ни тотъ, ни ни другой понять глупость положенія не въ силахъ.

Далѣе. Желѣзная дорога, соединяющая Баку съ Батумомъ, почти готова. Черезъ годъ-два нефть польется сюда и въ „турусахъ на колесахъ“ (такъ зовутъ на Кавказѣ уродливые керосинные вагоны) и, быть можетъ,

прямо по жолобу. Изъ Батума русской нефти легко соперничать съ американской почти на всемъ пространствѣ континентальной Европы. Изъ Чернаго моря въ Мраморное, оттуда въ Средиземное рукой подать. Строить въ чертѣ порто-франко склады нефти, значитъ нельзя пускать керосинъ въ Южную Россію; за чертой—нельзя получать посуду, идущую изъ заграницы; а въ керосинѣ каждая копѣйка разсчетъ для конкуренціи. Правда, что черта порто-франко опредѣлена администрацией, т. е. свободно можетъ быть передвинута куда угодно, свободно, но не безъ помощи столоначальниковъ, т. е. цѣлыхъ скаль на дорогѣ. Сюда же являлись всѣ тузы нефти, они облюбовали мѣстечко, но вопросъ о чертѣ застрялъ въ канцеляряхъ и склады ждутъ, не строются.

Батумъ ожидаетъ великая будущность. Его естественный портъ, въ который человѣкъ не кинулъ ни одного гроша, только по забавной случайности слыветъ маленькимъ: въ немъ 30—40 судовъ могутъ въ самую бурную погоду забыть, что есть зыбкія волны на морѣ, а, скажите, откуда же возьмется на Черномъ морѣ въ одномъ портѣ болѣе этого количества морскихъ домовъ? Еще комичнѣе слышать важныя разсужденія о невмѣстительности батумской пристани для военныхъ броненосцевъ. Какихъ? Русскихъ на Черномъ морѣ нѣть ни одного, а если портъ малъ для вражескихъ—и слава Богу! Если же придетъ такой добрый солнечный день надъ матушкой Россіей, когда черноморскій рейдъ засияетъ огромнымъ количествомъ національного коммерческаго флота и могущественнымъ числомъ военнаго—тогда найдутся, конечно, нѣсколько сотъ тысячъ рублей, чтобы перекрестить батумскую бухту каменными волнорѣзами и сдѣлать ее всю тихимъ пристанищемъ хоть на двѣсти кораблей. Батумскій портъ охаяли просто по неумѣнью нашему логично разговаривать.

— Ну, что Батумъ, маленькая жалкая пристань, говоритъ генераль съ кислою гримасой.

— А есть-ли на Черномъ морѣ другой портъ лучше батумскаго?

— Кромѣ севастопольскаго, нѣть ни одного... Да, послѣ Севастополя—Батумъ лучшая пристань на всемъ Черномъ морѣ для коммерческихъ судовъ и самый стратегическій портъ для военнаго флота.

У насъ одно изъ великихъ несчастій—отсутствіе опредѣленнаго взгляда на самыя очевидныя вещи. Такъ, одна особа признала Батумъ чуднымъ мѣстечкомъ, построила въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему ущелій военный городокъ, соединила его желѣзнодорожнымъ путемъ съ Батумомъ, крѣпостью и моремъ, возвела магазины, амбары для складовъ, а другой послѣдующей особѣ Батумъ не понравился. Она, правда, ни городка, ни рельсовъ, ни амбаровъ не уничтожила, но за то не дала ни пушекъ, ни пороха, и оставила великодушныя турецкія укрѣпленія разрушаться подъ вліяніемъ дождей и вѣтровъ.

— Теперь Батумъ могут взять почти безъ боя не только турки, а пожалуй, и аджарскіе разбойники, говорятъ батумскія военные власти.

Другое наше несчастіе—бюрократический обманъ. Всѣ товары изъ заграницы и Россіи адресуются не въ Батумъ, въ которомъ желѣзная дорога еще не открыта для пассажирскаго движенія, а въ Поти, какъ конечный рельсовый путь Закавказья. Но de facto весь этотъ товаръ привозятъ въ Батумъ, гдѣ съ большихъ пароходовъ его перегружаютъ на плоскодонные и отсюда везутъ его въ Поти. Великіе міра сего закрываютъ глаза на эту процедуру жизни и, довольствуясь тѣмъ, что по бумажнымъ реестрамъ товаръ записанъ въ потійской, а не въ батумской таможнѣ, презрительно говорятъ:

— Фи, Батумъ дрянь, вся торговля предпочитаетъ Поти!

А это разсужденіе уже стоитъ 7 миллионовъ, уложенныхъ на дно морское для невозможнаго потійского порта, и отпуска на такое же бесполезное киданіе за окно еще 2 миллиона несчастныхъ русскихъ бумажекъ.

А потомъ, куда направится все подземное бакинское богатство — нефть и керосинъ, какъ не въ Батумъ? Откуда лучше и ближе керосину конкурировать въ Европѣ съ американскимъ петролемъ, какъ не изъ Батума? Акционерный кокоревскій заводъ уже купилъ въ Батумъ място для постройки склада; у него уже готовъ свой первый пароходъ для отправки русскаго богатства въ Марсель, Италію или Грецію. Кокоревъ намѣревается выстроить въ Батумъ грандиозное зданіе и пристань для этой цѣли, одинъ пароходъ только проба, которая, въ случаѣ удачи, почти обезпеченней, приведетъ сюда цѣлый нефтяной флотъ. Гг. Палашковскій и Бунге, строители батумской желѣзной дороги, уже обзавелись на здѣшнемъ берегу складомъ керосина въ миллионы пудовъ и заводомъ для выѣлки жестянной посуды подъ петроль, могущимъ приготовлять въ день жестяныхъ ящиковъ на 6,000 пудовъ. Несомнѣнно, что, вслѣдъ за этими пионерами первыхъ годовъ, явятся болѣе богатые и предпримчивые люди, каковъ, напримѣръ, Нобель, которые прямо перекинутъ жалобъ изъ Баку въ Батумъ и тогда керосинъ потечетъ сюда непрерывно рѣкой. Дай Богъ скорѣе дожить Батуму до этой поры—чѣмъ больше мы возьмемъ съ иностранца денегъ за освѣщеніе, тѣмъ больше будетъ самой прямой прибыли для всей Россіи.

Батумскій участокъ желѣзной дороги, длиной въ 100 верстъ, соединяетъ портъ съ закавказскою линіей Поти-Тифлисъ-Баку. Участокъ сданъ Бунге и комп. по 60 тыс. руб. кредитныхъ за версту и выстроенъ буквально на костяхъ русскаго рабочаго. Непровозное и непроѣздное болото душило ихъ лихорадкой, а тѣ изъ несчастныхъ, которые выжили желѣзодорожную страду—всѣ поголовно умерли по возвращеніи домой. Таковъ здѣсь климатъ: или здѣсь сдавить желѣзными объятіями самая прокля-

тая лихоманка, или, помиловав на мѣстѣ, уѣдетъ съ пришлымъ человѣкомъ, затаясь въ немъ, на его родину и тамъ разыграется, выпить всю кровь и уложить въ могилу. Донимала злодѣйка и гг. инженеровъ. Строителя туннеля я знала чуть не богатыремъ, а теперь встрѣтила почти старикомъ, съ впалою грудью: лихорадка посеребрила волосы, сложила лицо въ морщины и состарила въ годъ на десятокъ лѣтъ. Вооружился противъ строителей и туземецъ. Мингрельцы, имеретины и гурійцы, избавленные армянско-грузинскою администрацией края, безъ стѣсненія стрѣляли въ инженеровъ, убивали и грабили русскихъ подрядчиковъ и десятниковъ. Имъ русскій судъ, гуманный и осторожный, просто жалокъ и смѣшенъ. Полудикие, безъ всякихъ понятій о правѣ, во всей своей исторіи, предшествующей соединенію съ Россіей, незнавшие никакого другого режима, кроме силы въ разбоѣ, да ловкости въ воровствѣ, туземные разбойники и убийцы предстаютъ предъ русскимъ судомъ съ десяткомъ ложныхъ свидѣтелей и, доказавъ ими *alibi*, преспокойно сходятъ со скамы подсудимыхъ гласно и публично оправданными. Они такъ привыкли къ этому порядку, что прямо считаютъ: „убийство стоитъ десять рублей—по рублю десяти свидѣтелямъ; разбой—пять рублей, по полтиннику лжесвидѣтелямъ и т. д.“ Ужь дешевле на что же? Отсюда и слѣдуетъ, что Кавказъ гнѣздо разбойничества, грабежей и убийствъ. Несчастное населеніе портится, а армяно-имеретино-грузинская администрація быстро богатѣетъ. Постройка желѣзной дороги была не легкая, но зато она принесетъ несомнѣнно громадную пользу kraю и лучше всякихъ военныхъ сооруженій обеспечить за нами дальнѣйшее владѣніе Батумомъ. Открытие ея отсрочивалось нѣсколько разъ. Злые языки утверждаютъ, будто строители тянутъ дѣло для того, чтобы успѣть перевезти даромъ въ свой здѣшний заводъ нѣсколько миллионовъ пудовъ керосина, а языки болѣе снисходительные говорятъ, что у строителей просто не хватало денегъ для введенія срочного дѣла. Какъ бы то ни было, но черезъ мѣсяцъ отправится первый пассажирскій и товарный поездъ. Любители путешествий и сильныхъ ощущеній могутъ найти въ прогулкѣ отъ Каспія въ Черноморье самыя дивныя во всемъ мірѣ картины природы.

Батумскій климатъ убийственный. На маленько зеленое приморье спадаютъ всѣ воды съ великаго множества окрестныхъ горъ, лѣсистыхъ и граніозныхъ. Воды тутъ останавливаются и образуютъ цѣлый поясъ болотъ. Южное солнце поднимаетъ изъ нихъ лихорадочныхъ испареній, такъ что въ іюль, августъ и части сентября Батумъ просто невозможенъ для жития непривыкшаго къ этому климату человѣка. Понятно, что весьма несложныя осушительныя работы могутъ вполнѣ устранить эти неудобства Батума. Широкая канава у подножья горъ по всей незначительной плоскости приметъ въ себя горныя воды, сама можетъ обратиться въ судоходную рѣку и избавить окрестности города отъ бо-

лотъ, превративъ ихъ въ роскошные сады персика, миндаля, апельсина и лимона. Такія работы уже предприняты и такъ какъ завѣдываніе ими поручено инженеру Жилинскому, осушителю пинскихъ топей, то успѣхъ предпріатія, кажется, можетъ считаться обеспеченнымъ. Одно лишь странно: оздоровленіе Батума не требуетъ миллионовъ, а у насъ на маленькия суммы скучность большая...

Знаменитый Вирховъ уже посѣтилъ Батумъ и его окрестности. Онъ предсказалъ городку будущность Ниццы, обѣщался хоть сейчасъ прислать сюда до тысячи больныхъ грудью и выбралъ чудное мѣстечко въ ближайшемъ ущельѣ Карапистави, какъ одну изъ лучшихъ въ мірѣ санитарныхъ станцій.

И дѣйствительно, что Генуя, Саванна, Медонъ и Ницца по сравненію съ природнымъ богатствомъ климата и красоты кавказско-черноморского берега! Возьмемте для примѣра хоть Сочи, маленькую живописную деревушку на берегу Чернаго моря. Почва деревушки и ея окрестностей сухая, такъ что Сочи не знаетъ ни грязи, ни болотъ, ни лужъ, ни лихорадочной сырости; рядомъ горы, доходящія до 5—6 тыс. футовъ высоты, всѣ покрыты зеленью. Обширные хвойные лѣса, каштановая роща, гигантскіе тополи, дубъ, пальма, тута, лавровиця и барбарисъ. Кругомъ растутъ въ дикомъ и культивированномъ видѣ яблоки, груши, сливы, персики, айва, гранаты, вишня, черешня и греккій орѣхъ. Фиги даютъ два урожая въ годъ; виноградная лоза достигаютъ до 5 вершковъ въ диаметрѣ, такъ что на нихъ строятъ висячіе мосты черезъ ручьи и рѣчки. Вредные вѣтры восточный и сѣверо-восточный почти не достигаютъ Сочи, защищенной отъ нихъ горными вершинами. Средняя температура не опускается въ январѣ ниже $+5,6^{\circ}$ и не возвышается, въ самую жаркую пору, въ юльѣ, болѣе $22,1^{\circ}$, причемъ въ скверѣйшіе мѣсяцы Петербурга въ Сочи рай: въ октябрѣ $+15^{\circ}$ и въ ноябрѣ $+12^{\circ}$. Темплата морской воды позволяетъ начинать купанье съ половины мая и кончать въ половинѣ октября; открытый берегъ даетъ купающимся славную біаррицкую ванну, смѣняю водяную воздушною ванной; рѣка Сочи, впадающая въ деревушку въ море, разводить морскую воду и доставляетъ возможность купанья для слабыхъ здоровьемъ или нервами...

Заглянемте теперь въ Сухумъ. Глубокое море замѣчательно регулируетъ климатъ Абхазіи. Вода въ самое жаркое лѣто не нагревается выше 26° , въ сентябрѣ 19° и въ ноябрѣ 15° . Зимы тутъ нѣть; вмѣсто нея, непосредственный переходъ въ половинѣ декабря осени въ весну; нѣрѣдко въ декабрѣ и январѣ теплота на солнцѣ доходитъ до $+20^{\circ}$. Оттого въ приморской полосѣ трава зеленѣетъ всю зиму, молодые листья дуба и каштана крѣпко держатся и растутъ на вѣтвяхъ, яблоки, груши и всѣ огородныя овощи цвѣтутъ и зреютъ вторично. Съ половины декабря

обыкновенно начинается распускание весеннихъ цветовъ и земляники. Тумановъ и вѣтровъ Сухумъ почти не видитъ совсѣмъ...

Но лучшее изъ всѣхъ мѣстечко Каанистави въ 8 верстахъ отъ Батума. Имъ и прельстился болѣе всего почтенный Вирховъ.

Каанистави не выдуманъ докторами, какъ лучшая санитарная станція; нѣтъ, уже съ незапамятныхъ временъ туземецъ узналъ это мѣстечко, какъ пристань для здоровья и лекарство для больного: тамъ жили, спасаясь отъ лихорадки, богатые турки, туда же стремились всѣ заболѣвшіе отъ міазмовъ нецивилизованныхъ городовъ и ихъ болотныхъ окрестностей. И точно, самое положеніе Каанистави указываетъ, что это ящикъ, созданный Творцомъ для того, чтобы оберегать въ немъ человѣка отъ всего вреднаго ему. Глубокое покатое ущелье достаточно широкое для застроенной улицы, достаточно узкое, чтобы защитить отъ всѣхъ вѣтровъ, а открытый видъ на море не допустить тутъ поселяться никакой заразѣ. Южное солнце и защита отъ холоднаго вѣянія воздуха родить здѣсь апельсинъ, лимонъ и чай.

Теперь это живое мѣстечко обратилось въ пустыню. Богатые турки покинули Батумскую область и Каанистави сдѣлался собственностью русской казны. Вѣковой опытъ и рекомендациѣ Вирхова обратили внимание мѣстной администраціи на эту прелестъ природы и на полезность ея, какъ превосходной санитарной станціи, и администрація рѣшилась... вы думаете устроить тутъ санитарную станцію? Не угодно-ли — рѣшила тамъ выстроить казармы...

V.

Въ Батумской области.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Батума, тамъ, гдѣ желѣзная дорога выскакиваетъ изъ темныхъ коридоровъ скаль, прорытыхъ для ея полотна, а горы уходятъ вдали отъ моря, закрывая широкую долину стѣной наноснаго песка — стоитъ мусульманская деревня Кабулеты, а за нею — первое русское поселеніе вновь пріобрѣтеної области. Если не бѣхать нарочно въ гости къ поселенцамъ, то ихъ жилье легко совсѣмъ не замѣтить: убогіе шалаші изъ вѣтвей, досочекъ и соломы лишь чуть-чуть высятся надъ поверхностью земли, а два-три домика, въ одну комнату — аристократы поселенія — выглядываютъ столь скромно, занимаютъ такое малюсенькое пространство вдоль, ширь и вверхъ, что нелюбознательный глазъ навѣрно сравняетъ ихъ съ соседними кустиками и проѣдетъ мимо, не увидѣвъ никого и ничего. Но мы бѣдемъ нарочно, бѣдемъ съ глубоко затаеннымъ убѣжденіемъ, что эти врослие въ землю хаты и хижины

крайче башень и бойницъ свяжутъ Кавказъ съ остальною Русью и потому—„стой drogi и милости просимъ въ каждое скучное жилище радостнымъ гостемъ“!

Работа не долгая, только сердца крѣпкаго требуетъ она. Всего двадцать одна русская хата выстроилась тамъ, гдѣ пять лѣтъ тому назадъ погибли въ бою десятки тысячъ русскихъ молодцевъ. За то есть представители всей Россіи. Первая хата—отставной дьячекъ; церковная реформа оставила его за штатомъ; онъ не отстригъ пущистую русую косу, не снялъ поповскую шапку, не измѣнилъ рясъ и подряснику, только въ руки, вмѣсто паникали, взялъ соху. Попробовалъ боронить въ Харьковской губерніи—тѣсно оказалось—есть мѣсто на Руси лишь крестьянину и помѣщику. Просыпалъ про вольныхъ мѣстя на дальнемъ Кавказѣ и приплылъ въ четвертомъ классѣ со всею семьею въ Батумъ... Есть и баринъ—дворянинъ, какъ сонъ вспоминающій и „души“, и десятины, завѣщанныя отцомъ, размѣненные сначала въ ресторанаахъ, потомъ въ трактирахъ, а напослѣдокъ и въ харчевняхъ. Онъ переболѣлъ, помучился, научился работать, терпѣть и молчать. Ему не мила ни ширь, ни свобода земли; новое дальнее мѣсто, гдѣ нѣть знакомаго лица, бальзамъ для его души. Пришелъ сюда и мастеровой, которому злая болѣзнь—запой, не пускала жить на фабричномъ веселыи и бѣжалъ онъ отъ кабака, какъ отъ сатаны и дьявола. Есть тутъ наконецъ и соль земли—русскій плугарь-мужикъ. Извѣстно, какой мужикъ уходитъ съ родины: не съ мѣшечкомъ по кусочки, а на собственной парѣ сытыхъ лопадокъ для переселенія—мужикъ матерой, дородный, съ бабой умѣлой на всѣ руки, съ телѣгой, могущей безъ поломки обѣхать кругомъ весь шаръ земной, и съ сотнями рублей, запитыхъ крѣпко-на-крѣпко въ штанахъ и рубахѣ малыхъ дѣтокъ. Такіе и тутъ мужики, новые кабулетскіе жители. Они ушли съ родины отъ обиды—такъ и отвѣчаютъ—„обидно показалось!“ Ихъ никто не ограбилъ, не биль, не осудилъ напрасно; ихъ обида глубже и поучительнѣе:

— На миру стало жить невозможно, поясняютъ они:—никакой правды не стало: водку выкатятъ, перепьются и орутъ, какъ отглашенные. Все, значитъ, за водку пошло. Не въ терпежъ было, вотъ и задумали попытать другія мѣста.

— И вѣсъ мѣръ обижалъ?

— Насъ-то? Нѣть, насъ ничего, мы подати платили исправно, никого не обижали, намъ мѣръ ничего, только смотрѣть-то на эти непорядки тошно стало, невмоготу...

Поселились русскіе піонеры сначала по волѣ, по желанію. Выбрали долинку сзади мусульманскаго села, подняли сохой кусочекъ дѣственной, никогда доселѣ необработываемой земли, и вышелъ урожай кукурузы невиданный, небывалый. Даже анатичный мозгъ туземцевъ, никогда до

той поры, вѣроятно, не замѣчавшій сосѣдней, впустѣ лежащей долинки, пошевельнулся отъ зависти. Кабулетцы вѣ чалмахъ, въ четыре года отлично познавшіе слабохарактерность русской администрації, кинулись къ начальству и завопили: „прогоните гяура съ плодоносной нивы, нива наша, мы хотимъ пожинать ея обильную жатву!“ У кавказскаго начальства уже давно выработанъ для такихъ случаевъ богатѣйшій precedentъ преданій. Русскіе молокане—прекраснѣйшій рабочій народъ—вѣдь поселены же на голыхъ скалахъ горъ, плодоносныя подошвы которыхъ отданы туземцу—врагу Россіи и слугѣ луны—значитъ и вѣ Кабулетахъ нечего. церемониться. Въ Батумѣ былъ тогда начальникомъ области г. Комаровъ, котораго уже давно русскіе кавказцы прозвали или Каморидзе, или Камороянцемъ. Мусульманъ кабулетцевъ погладили по головкѣ, на-учили фактотъ вчерашняго турецкаго подданнаго не уважать русскаго человѣка: землю отдали имъ, а русскихъ переселенцевъ попросили снести свои построечки, раззорить начатое хозяйство и избрать себѣ новое мѣстожительство.

— Позвольте, Господи Іисусе, заговорили дѣячекъ и баринъ:—вѣдь мы тутъ съ разрѣшенія селились, тутъ намъ изъ казны пособіе пришло, теперь намъ отъ этой татарвы житья не будетъ, вѣдь ихъ тысячи, а насть десятки, вѣдь эдакъ и съ другого мѣста нась сгоните...

— Ну, ну, не разговаривать, отвѣчала имъ власть:—переселяйтесь скорѣе сами, а то пришлемъ татарву переселять—хуже будетъ!

Охъ, сказать нельзя, какіе тяжкіе деньки пережила тогда первая русская колонія! Лошадокъ одна-другая—все—горючъ и бревно, кукурузу, сѣно и соломенную крышу пришлось тащить на рукѣ и плечѣ за нѣсколько верстъ. А мусульмане сосѣди выстроились шпалерами по этому крестному пути и бичуютъ русскаго несчастнаго словомъ, бранью и взглядомъ... Проѣздъ вѣ воловьемъ вагонѣ до моря изъ серединной Руси, да моремъ по сырой погодѣ подъ вѣтромъ и дождемъ до Батума стонть бѣдно-бѣдно съ кускомъ хлѣба, вмѣсто харчей—рублей 50 для одного, рублей сто на малую семью. Пока переселенецъ уже на мѣстѣ успѣеть пройти сквозь строй подъячихъ и аблокатовъ до генерала и обратно до получения права на пустой землѣ посѣять хлѣбный колось, онъ проѣсть отдастъ, заплатитъ тишитъ столько же, т. е. тоже сто рублей. Но у канцеляріи соображенія и счеты свои особенные; она нимало не сомнѣвалась испишетъ по дѣлу о пропавшемъ цыпленѣ бумаги на пятьдесятъ рублей, съ такимъ же легкимъ сердцемъ она выдастъ здѣсь переселенцу пособіе вѣ 40 рублей, и то добывая эти деньги изъ самыхъ переэкстраординарныхъ суммъ, и то давая ихъ лишь на три года, такъ что переселенецъ еще не успѣеть конуры построить изъ вѣтей, не имѣя времени огородъ обнести плетнемъ, какъ къ нему уже являются съ требованіемъ:

„ну-ка, такой-сякой, подавай 13 р. 33^{1/3} к. за первый годъ, а не заплатишь, снимай кафтанъ, въ аукціонъ пустимъ!“

У большинства переселенцевъ въ ихъ полуухижинахъ, полуземлянкахъ нѣтъ ровно ничего, кроме настилки соломы, да длинногорлого кавказского кувшина для воды ровно ничего, повторяю—ни скамьи, ни стола, ни печи, ни доски, ни сковороды, ни горшка. Только въ трехъ-четырехъ домикахъ есть гдѣ сѣсть и прилечь, да на полочкѣ виднѣется зачатокъ кухонной убогой посудки. Мѣстность—покатость отъ моря къ болоту. Сзади бьетъ волна, снабжая землю солью и проливая сквозь почву стнивающую воду въ долину, лежащую ниже уровня моря.

— Что же вы кушаете?

— Хлѣбъ да воду, отвѣтъ одинъ, а другой добавляетъ со вздохомъ:—охъ, баринъ, ей-Богу, кваску-то хоть бы попилъ, да и то не изъ чего сдѣлать его!

Спать на такой почвѣ прямо на легонькой подстилкѣ изъ соломы, есть одинъ хлѣбъ, пить одну колодезную воду, да жить въ непривычномъ климатѣ—развѣ это не осужденіе на смерть? Переселенцы переболѣли всѣ, и теперь многіе еще не оправились, хотя здѣсь не весна, а осень губить и бьетъ чужого человѣка жесточайшою лихорадкой. Большею частію болѣли въ повалку цѣлыми семьями. Отецъ лежитъ, мать лежитъ, сынъ бьется въ пароксизмѣ, дочь безъ чувствъ отъ изнеможенія, и у сосѣдей тоже. Жажды мучаетъ, есть захотѣлось, выйти бы надо, да силъ нѣтъ, ноги не держать, а помочь некому. Крикъ и стоны поднимаются въ землянкѣ.

— Ой, воды, родимые, испить дайте, подайте водицы, ради Христа!

А въ отвѣтъ только воронъ каркаетъ, накликая дождь, и безъ того льющейся обильною струей черезъ дырявую крышу, кое-какъ сложенную изъ вѣтвей.

— Думали, пропадемъ совсѣмъ, да Богъ помиловалъ, не даль умереть безъ покаянія!

— Да неужели ни доктора, ни фельдшера не было у васъ?

— Ни-ни.

— А попа не звали?

— Да гдѣ жъ его возьмешь тутъ русскаго-то?

— Ну, а начальство?

— Оно, ничего, благодареніе Бога, раза два навѣстило, тоже по-охало, глядя на насъ...

Многихъ изъ переселенцевъ я засталъ въ вполнѣшемъ бездѣльѣ; сидятъ около хижиноекъ и смотрятъ или па дальня горы, или на близкое море.

— Что же, братья, или праздникъ у васъ сегодня? спрашивало ихъ, улыбаясь, чтобъ не обидѣть вопросомъ.

— У насъ уже второй мѣсяцъ празднікъ-то тянеться, баринъ, сердито отвѣчаютъ они: — да еще сколько праздновать-то придется сами не знаемъ. Большой у насъ праздникъ, такого въ другомъ мѣстѣ, чай, и не сподобишься...

— Какой же такой?

— Лошадки нѣтъ, чтобы въ соху запречь, сохи нѣтъ, чтобы подъ сѣмя вспахать, сѣмя нѣтъ, чтобы землю посыпать — вотъ тебѣ и праздникъ...

— Маны небесной дожидаемся, уныло шутить дьячекъ.

— Ни у кого нѣтъ сѣмянъ?

— Начисто, зерна не найдешь; у турокъ хлѣбъ на базарѣ покупаемъ, только его и жуемъ...

Въ нѣсколькихъ участкахъ я засталъ всю семью вспахивающею землю лопатами; бабы смѣются:

— Вотъ кто бы насъ изъ Рассеи увидѣлъ, то-то смѣху-то было...

— Сѣять будете?

— Нечѣмъ.

— Зачѣмъ же копаете?

— Такъ вотъ — сидѣли, сидѣли сложа руки-то, не вмоготу стало, копаемъ, а тамъ что Господь подастъ...

Каждому переселенцу по фасаду проселочной дороги съ одной стороны ея отведено по двадцати сажень, но самая земля еще не отмѣрена. Это очень стѣсняетъ переселенцевъ. Недавній примѣръ перегона съ одного мѣста на другое заставляетъ ихъ сильно бояться обрабатывать и корчевать почву, не утвержденную за ними законнымъ, сколько-нибудь обезпечивающимъ порядкомъ; оттого они и сидятъ праздно — что жь въ самомъ дѣлѣ трудиться, расчищать землю, когда вся работа можетъ пропасть хуже чѣмъ задаромъ — достаться вчерашнему турку? Еслибы знали границу своихъ владѣній — огородили бы и пустили бы скотинку пастись, а нельзя городить, нельзя поправить исхудалую лошадь и коровенку, безъ ограды, туземецъ утащить и совсѣмъ разорить. Туземецъ уже давно оправился духомъ послѣ штурма и пораженія; онъ теперь понялъ, что у новыхъ хозяевъ области можно безопаснѣе, чѣмъ у турокъ, воровать, грабить и бить наповалъ инженера, подрядчика, милиціонера и казака. Приведутъ на судъ и станутъ спрашивать, какъ свидѣтеля, товарища по разбою; онъ скажетъ „юкъ“ и три золотыхъ мундира глубокомысленно попросятъ тоже золотого переводчика передать вору или убийцѣ, что „они свободны“, солдаты сдѣлаются на караулѣ, разступятся, туземецъ съ достоинствомъ уйдетъ на улицу и проповѣдуется:

— Московъ глупъ, его можно обкрадывать, грабить, убивать — все, что хочешь съ нимъ дѣлай!

Туземецъ очень не любить переселенца. Пока онъ не обкрадывается

его потому, что и украдь-то нечего у русского пришледа, но за то обираетъ иначе. Идетъ русскій мужикъ или баба его съ базара—всѣ басурманскіе мальчишки тотчасъ окружать и съ угрозой каменнаго или палочного дожда требуютъ хлѣба. Баба бѣжитъ, разбрасывая направо и налево малюсенькия корочки дорогого хлѣбца, чтобы цѣлой да поскорѣй удрать отъ „пострѣлять“. Одинъ переселенецъ не вытерпѣлъ, наказалъ „пострѣлять“ за нанесенную ими обиду его женѣ, такъ сейчасъ явились отцы въ фескахъ и вздули переселенца среди бѣлага дна, у самой его хаты. Начальство даже провѣдало объ этой пакости и какъ слѣдуетъ въ обращеніи „съ иностранцемъ“ деликатно посовѣтовало „басурманамъ“ не шалить на русской спинѣ. А побитый не только не пожаловался, но и не любитъ вспоминать. Когда соѣди начали разговоръ объ этой оказіи, у него лицо приняло такое странное выраженіе, что я невольно запомнилъ его, невольно долго думалъ о немъ и теперь, кажется, разгадаль. Небольшому человѣку каждому знакомо это выраженіе по собственному сердцу. Бываютъ въ жизни обиды, чувствуемыя до глубины души, какъ-то безсознательно глубоко и больно, такъ глубоко и больно, что ихъ нѣть силь ни отдать на судъ, ни передать на ухо зажадичному другу: оба не поймутъ этой глубины, оба недостаточнымъ сочувствіемъ только еще болѣнѣе разбередятъ рану души. Выраженіе лица обиженнаго переселенца такъ и говорило: „Э, что тутъ толковать; пойди, заяви, скажутъ: ну, побили, велика важность, а тутъ не боль, а другое щемить... Не поймутъ, буду молчать лучше...“

Нельзя же вѣчно переселенцу жить въ землянкѣ и шалашѣ. Губернаторъ области, г. Смѣкаловъ, выхлопоталъ для переселенцевъ брошенные турецкіе дома въ горахъ, гдѣ зажиточные туземцы проводили жаркие мѣсяцы лѣта. Когда рѣчъ шла объ этихъ домахъ—всѣ они были пусты и безъ хозяевъ. Но какъ только администрація выбрала лучшіе и предназначила ихъ переселенцамъ, тотчасъ объявились ихъ якобы собственники. Слабохарактерная кавказская власть опять уступила нахальству туземца, отдала имъ лучшія постройки, а худшія подарила русскимъ пионерамъ. Полѣзли они на крутыя горы, запыхались, вспотѣли съ непривычки къ крутымъ тропинкамъ, очень понравились имъ дома, только какъ разобрать ихъ, еще пуще—какъ стащить бревна, доски, брусья, стропила и дрань съ такой вышинѣ безъ дорогъ, съ такой крути на долину за десятки верстъ? И вокругъ домовъ-то не повернешься—у самой пропасти стоять, а тутъ еще ломать, грузить надо. Тащить на плечахъ и думать нельзя, потому что непривычныя къ скаламъ ноги еле собственное тѣло держать на горной тропѣ, самъ спускаешься одинъ, безъ ноши, и то душа въ пяткахъ сидить. Думали, гадали, да такъ и махнули рукой. Лишь отъ бездѣлья иной заберется опять въ горы и поглядить, не растащили-ли турки его неприступный домикъ.

Поразспросилъ, послушалъ, поглядѣлъ, покручинился я довольно, глядя на это зерно русскаго настоящаго царства въ новой области, зерно, посаженное въ мачиху землю, и собираюсь назадъ.

— Батюшкa, баринъ, обступаютъ меня переселенцы:—не увидишъ-ли ты нашего губернатора, какъ въ Батумъ прiйдешь?

— Увижу, а что?

— Да скажи ты его милости, чтобы зерна намъ прислали, вѣдь эдакъ-то не посыпѣмъ ни-ни ничего, съ голоду умремъ, говорить одинъ.

— Тоже вотъ у насъ окружной смѣненъ, говорить, запинаясь, другой.—Вырубовъ прозывался...

— Ну?

— Самъ знаешь, у насъ тутъ ни волости, ни сельскаго правленія, ничего нѣту, всѣ подъ нимъ, подъ окружнымъ, значитъ, ходимъ...

— Такъ что же?

— Ну, такъ хорошаго бы человѣка назначилъ къ намъ, потому пропасть тутъ ни за что можно... Кабы, значитъ, русскаго, чтобы имъ, басурманамъ-то, ужъ не очень мирволили...

— Хорошо, хорошо, отвѣчаю: — съ радостью передамъ эту вашу просьбу губернатору.

На другой день по возвращеніи въ Батумъ я исполнилъ порученіе переселенцевъ. Г. Смѣкаловъ обѣщалъ назначить нового окружного въ Кабулеты непремѣнно русскаго, тотчасъ упросилъ г. Чайковскаго, капитана парохода „Михаилъ“, купить въ Одессѣ лучшаго зерна (г. Чайковскій не взялъ ничего за доставку этого зерна, привезя его съ первымъ же рейсомъ) и, кажется, согласился съ моимъ планомъ заставить туземцевъ, привыкшихъ къ горамъ, разобрать и свезти внизъ дома, подаренные поселенцамъ, поручивъ имъ эту работу, взамѣнъ отбыванія какой-нибудь другой натуральной повинности. Губернаторъ сдѣлалъ больше, чѣмъ могъ по правамъ своей власти, для упроченія первого русскаго элемента въ новой области, онъ помогъ и своимъ частнымъ кошелькомъ; но не онъ въ силахъ поставить это дѣло такъ, чтобы не было больно, не было обидно, не было больше чѣмъ обидно и больно смотрѣть здѣсь на русскаго переселенца русскому человѣку. Русское поселеніе на Кавказѣ дѣло государственное.